

Санкт-Петербургский государственный университет

Киселева Ольга Сергеевна

Магистерская диссертация

На тему: *Цифровая дипломатия как фактор «уличной политики»*

Уровень образования: магистратура

Направление 41.03.04 «Политология»

Основная образовательная программа ВМ.5825 «Прикладная политология и этнополитические процессы в современном мире» (2 курс)

Научный руководитель:

Кандидат политических наук,

Доцент кафедры политических институтов

и прикладных политических исследований СПбГУ

Мартьянов Денис Сергеевич

Рецензент:

Доктор политических наук, доцент

Заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Соколов Александр Владимирович

Санкт-Петербург

2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Подходы к исследованию «уличной политики»	10
1.1 Улица как объект исследования публичной сферы	10
1.2 «Уличная политика» в контексте исследования публичности	17
Глава 2. Концепция цифровой дипломатии и ее практическое применение ..	25
2.1 Эволюция концепта «новая публичная дипломатия»	25
2.2 Понятие «цифровая дипломатия» в рамках теории публичной дипломатии	35
2.3 Цифровая дипломатия как фактор политического активизма	41
Глава 3. Практическое применение политики цифровой дипломатии в контексте уличного протеста	48
3.1 Мировой опыт политики цифровой дипломатии	48
3.2 Анализ политики цифровой дипломатии, ставшей фактором «уличной политики»	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	71
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	74
ПРИЛОЖЕНИЯ	88

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. С каждым годом мы наблюдаем трансформацию коммуникационной организации публичной сферы, которая сопровождается развитием и распространением технологий сети Интернет. Информационные технологии приобретают все большее значение для политической и социальной активности. Интернет объединяет и делает мгновенными информационные потоки, которые, благодаря развитию технологии Веб 2.0, обрели в настоящее время значение массового средства обмена информацией. С развитием Интернета «публичная дипломатия» приобретает новые инструменты, принципы и методы работы. В свою очередь публичная дипломатия изменила принцип работы внешней политики, являясь основным инструментом «мягкой силы». Цифровая дипломатия же предоставляет возможность обратиться к тысячам пользователей в один миг, а также получить от граждан обратную связь. Инструменты Веб 2.0 и приложения социальных сетей в последнее время играют значительную роль в принятии государственных решений и формировании отношений между правительствами, гражданами, политиками и другими социальными субъектами в целом. Актуальность настоящей работы представлена также в необходимости теоретического осмысления в академических кругах концептуализации растущего влияния цифровых технологий на практику публичной дипломатии.

Улица, являясь пространством для массового выражения народного недовольства, выступает центральным фактором «уличной политики». Развитие технологии Веб 2.0 привело к сдвигу в коммуникационном потенциале и потенциале политической организации пространства политического протеста. Социальные медиа, переплетаясь с различными секторами общества, оказывают значительное влияние на современные политические процессы, в том числе на политическую мобилизацию граждан,

транслируя идеи и мнения, предоставляя возможность выражения частных проблем.

В последние годы мы наблюдаем распространение общественных движений, сопровождающихся организацией уличного пространства без поддержки идеологизированных групп, движений и партий. Уличные протесты становятся все более массовыми, объединяя тысячи людей в общественные движения без лидера. Народные протесты являются серьезной проблемой для современных режимов, от «авторитарных» и гибридных до вполне «демократических», еще и потому что транслируют миру уровень развития демократических институтов в стране. В последние годы мы наблюдаем конвергенцию «уличной политики» и цифровой дипломатии. Тема цифровой дипломатии как фактора «уличной политики» является чрезвычайно важной для понимания современных массовых общественных движений.

Научная разработанность вопроса. За последние два десятилетия ученые представили несколько моделей и теоретических подходов изучению публичной дипломатии, представленных в работах Кала Н. Дж.¹, Энтмана Р.М.², Гильбоа Е.³, Голана Г.Дж.⁴. В то время как другая группа исследователей опиралась на теории связей с общественностью и массовых коммуникаций, чтобы предсказать и объяснить некоторые ключевые функции публичной дипломатии по управлению отношениями и репутацией: Груниг Дж. Э.⁵, Тэм Л. и Ким Дж.⁶. В научной литературе вопрос развития сетевой организации пространства Интернет, вызывает интерес у исследователей с

---

¹ Cull N. J. Public diplomacy: Taxonomies and histories //The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – Т. 616. – №. 1. – С. 31-54.

² Entman R. M. Theorizing mediated public diplomacy: The US case //The International Journal of Press/Politics. – 2008. – Т. 13. – №. 2. – С. 87-102.

³ Gilboa E. Searching for a theory of public diplomacy //The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – Т. 616. – №. 1. – С. 55-77.

⁴ Golan G. J. An integrated approach to public diplomacy //American Behavioral Scientist. – 2013. – Т. 57. – №. 9. – С. 1251-1255.

⁵ Grunig J. E. Public relations and international affairs: Effects, ethics and responsibility //Journal of International Affairs. – 1993. – С. 137-162.

⁶ Tam L., Kim J. N. Who are publics in public diplomacy? Proposing a taxonomy of foreign publics as an intersection between symbolic environment and behavioral experiences //Place Branding and Public Diplomacy. – 2019. – Т. 15. – №. 1. – С. 28-37.

конца прошлого века. Концептуализации понятия «новая публичная дипломатия» и «цифровая дипломатия» исследования посвящали: Арсено П.⁷, Голан Г. Дж.⁸, Кэссиди Дж.⁹, Кумбс Т.¹⁰, Сигнитцер Б. Х.¹¹, Мэйноу И.¹², Д. Мейсен¹³, Б. Хокинг¹⁴.

В настоящем исследовании особое внимание уделяется концепции контрпубличной сферы, предложенной О. Негтом и А. Клюге в 1972 году в работе «Публичная сфера и опыт»¹⁵. Почву для размышлений над эмпирическими, историческими и нормативными недостатками концепции публичной сферы предоставила теория Ю. Хабермаса, представленная в настоящем исследовании тремя^{16 17 18} работами. Стоит также обозначить схожесть сетевого принципа социальных медиа с принципом устройства публичной сферы, описанной Ю. Хабермасом в работе «*Между фактами и нормами: вклад в дискурсную теорию права и демократии*»¹⁹ в 1992 году.

Феномен социальной протестной активности рассматривается в научных работах как российских исследователей: Азаров А.А.²⁰, Дементьева

---

⁷ Melissen J. et al. (ed.). *The new public diplomacy*. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. – С. 292-31.

⁸ Golan G. J. An integrated approach to public diplomacy // *American Behavioral Scientist*. – 2013. – Т. 57. – №. 9. – С. 1251-1255.

⁹ Cassidy J., Manor I. Crafting strategic MFA communication policies during times of political crisis: A note to MFA policy makers // *Global affairs*. – 2016. – Т. 2. – №. 3. – С. 331-343.

¹⁰ Signitzer B. H., Coombs T. Public relations and public diplomacy: Conceptual covergences // *Public relations review*. – 1992. – Т. 18. – №. 2. – С. 137-147.

¹¹ Signitzer B. H., Coombs T. Public relations and public diplomacy: Conceptual covergences // *Public relations review*. – 1992. – Т. 18. – №. 2. – С. 137-147.

¹² Melissen J. et al. (ed.). *The new public diplomacy*. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. – С. 292-31.

¹³ Hocking, B., & Melissen, J. (2015). *Diplomacy in the digital age*. Clingendael, Netherlands Institute of International Relations.

¹⁴ Hocking, B., & Melissen, J. (2015). *Diplomacy in the digital age*. Clingendael, Netherlands Institute of International Relations.

¹⁵ Negt O., Kluge A. *Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of Bourgeois and Proletariat Public Sphere*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

¹⁶ Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы // М.: Прогресс. – 1989.

¹⁷ Habermas J. *Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy*. – John Wiley & Sons, 2015.

¹⁸ Habermas J. *Theory of Communicative Action, Volume 1: Reason and the Rationalization of Society*. – 1985.

¹⁹ Habermas J. *Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy*. – John Wiley & Sons, 2015.

²⁰ Азаров А. А. и др. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере евромайдана, ноябрь 2013 г.) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2014. – №. 3 (121).

И.Н.²¹, Здравомыслова Е.А.²², Михайлова Е.В.²³; так и зарубежных: Маккафи М.²⁴, Мейер Д.²⁵, Ожъен А.²⁶, Хеллер П.²⁷. Тема современной трансформации публичной сферы изучается зарубежными политологами и социологами: Беннетт Л.²⁸, Ван Дейк Дж.²⁹, Дальберг Л.³⁰, Калхоун К.³¹, Уиммер Дж.³². В российской академической среде появляется все больше научных работ в области политической интернет-коммуникации, виртуализации публичной сферы и акторно-сетевой теории: Акопов С.В.³³, Артамонова Ю.Д.³⁴, Быков И.А.³⁵, Вахштайн В.С.^{3637*}, Володенков С.В.³⁸, Грачев М.Н.³⁹, Мартьянов

---

²¹ Дементьева И.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке. // Журнал: Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – Выпуск № 4 (116) - 2013 г. – С. 3-12.

²² Здравомыслова Е. А. Социологические подходы к анализу общественных движений //Социологические исследования. – 1990. – №. 7. – С. 88-94.

²³ Михайлова Е. В., Скогорев А. П. Протесты как форма гражданской активности в современной России //Власть. – 2017. – №. 1.

²⁴ McCaughey M., Ayers M. D. (ed.). Cyberactivism: Online activism in theory and practice. – Routledge, 2013.

²⁵ Meyer D.S. Protest and Political Opportunities // Annual Review of Sociology. - 2004 - P. 125—145.

²⁶ Ожъен А., Борисенкова А. Уличная политика и политика голосования //Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13. – №. 1.

²⁷ Heller P. Reinventing public power in the age of globalization //Social movements in India: Poverty, power, and politics. – 2005. – С. 79-106.

²⁸ Bennett L. Grounding the European public sphere: looking beyond the mass media to digitally mediated issue publics. – 2012.

²⁹ Van Dijck J., Poell T. Social media and the transformation of public space //Social Media+ Society. – 2015. – Т. 1. – №. 2. – С. 2056305115622482.

³⁰ Dahlberg L. The Habermasian public sphere: Taking difference seriously? //Theory and Society. – 2005. – Т. 34. – №. 2. – С. 111-136.

³¹ Calhoun C. The democratic integration of Europe: interests, identity, and the public sphere //Europe without borders: Remapping territory, citizenship, and identity in a transnational age. – 2003. – С. 243-274.

³² Wimmer J. Counter-public spheres and the revival of the European public sphere //Javnost-The Public. – 2005. – Т. 12. – №. 2. – С. 93-109.

³³ Акопов С. В. «Справедливость» в эпоху сетевого общества: национальная или транснациональная? // В кн.: Социальная справедливость в современном мире / Отв. ред.: Л. И. Никовская. М. : Ключ-С, 2017. С. 84-94.

³⁴ Володенков С. В., Артамонова Ю. Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической Интернет-коммуникации //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – №. 53.

³⁵ Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества : дис. – Санкт-Петербургский государственный университет, 2016.

³⁶ Вахштайн В.С., Вайзер Т.В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности //Available at SSRN 2807018. – 2016.

³⁷ Признан иностранным агентом в Российской Федерации.

³⁸ Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации национальных политических режимов //Поиск. Альтернативы. Выбор. Общественно-политический альманах. – 2016. – №. 2. – С. 206-213.

³⁹ Грачев М. Н. Политические коммуникации и коммуникационное измерение политики // "Новая Россия": политическое знание и политологическое образование. – 2000. – С. 36-41.

Д.С⁴⁰. Исследования политических процессов в условиях развития информационного общества проводят Филатова О.Т.⁴¹, Чугунов А.В.⁴².

Объектом в настоящей работе является феномен «уличной политики». **Предметом** является влияние цифровой дипломатии на «уличную политику».

Цель исследования: выявить специфику конвергенции цифровой дипломатии и «уличной политики».

Задачи:

- 1) Рассмотреть улицу как объект исследования публичной сферы;
- 2) Определить подходы к исследованию «уличной политики»;
- 3) Выделить особенности контрпубличной сферы;
- 4) Дать определение «уличной политике»;
- 5) Выявить эволюцию концепта «новая публичная дипломатия»;
- 6) Рассмотреть подходы к понятию «цифровая дипломатия» в рамках теории публичной дипломатии;
- 7) Выделить особенности мирового опыта «уличной политики»;
- 8) Провести контент-анализ публикаций субъекта цифровой дипломатии.

Гипотезы:

- 1) Существует конвергенция «уличной политики» и цифровой дипломатии;
- 2) Трансформация коммуникационной среды является причиной влияния цифровой дипломатии на «уличную политику»;

---

⁴⁰ Мартьянов Д. С., Мартьянова Н. А. Селективная модерация в условиях виртуальной публичной сферы //Социодинамика. – 2019. – №. 12. – С. 74-85.

⁴¹ Филатова О. Т. Политическое влияние Интернета на массовую аудиторию: концептуальные основания исследования //Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2007. – №. 3-1.

⁴² Чугунов А. В. Развитие интернета в России и мониторинг общественного мнения о ходе реализации ФЦП" Электронная Россия"(2002-2006 гг.) //Информационные ресурсы России. – 2007. – №. 4. – С. 6-6.

- 3) Влияние цифровой дипломатии на «уличную политику» может носить разнонаправленный характер.

Теоретико-методологическая основа исследования. Вопрос концептуализации понятия «уличная политика» раскрывается автором через теорию публичной сферы. В данном исследовании мы используем системный подход для рассмотрения совокупности взаимосвязанных элементов, а также сетевой подход.

Теоретической основой работы являются научные труды российских и зарубежных авторов в области концептуализации влияния развития и распространения влияния сети Интернет на политику цифровой дипломатии. При проведении настоящего исследования авторами использовались общенаучные методы: гипотетико-дедуктивный метод, анализ научной литературы и открытых источников по исследуемому вопросу, сравнение. Магистерская работа основывалась на концепции контрпубличной сферы, предложенной критикой концепции классической публичной сферы Ю. Хабермаса. Примененный метод анализа — количественный контент-анализ публикаций государственного ведомства — субъекта цифровой дипломатии.

Эмпирической базой данного исследования при проведении анализа будут являться публикации в сети Интернет на официальном сайте Государственного департамента США⁴³, а также анализ публикаций в сети Интернет и на платформах социальных сетей по поводу кейсов «уличной политики».

Теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации различных научных подходов к концептуализации растущего влияния цифровых технологий на развитие цифровой дипломатии. Следует отметить теоретическую значимость определения «уличной политики», в формулировании которого автор

---

⁴³ Официальный сайт Государственного департамента США [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 10.05.2022)

отталкивался от дихотомии буржуазной публичной сферы и контрпубличной сферы, а также в обозначении этой дихотомии.

Практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в дальнейшем для выявления политики цифровой дипломатии, направленной на возможное влияние на рост протестных настроений, ее механизмов и форм.

Структура работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. В первой главе анализируются подходы к исследованию «уличной политики». Рассматривая улицу как объект исследования публичной сферы, мы отталкиваемся от существующей дихотомии в разнице публичных сфер, уделяя особое внимание концепции контрпубличной сферы, мы даем определение «уличной политики». Во второй главе описываются подходы к пониманию публичной дипломатии, рассматриваются особенности концептуализации растущего влияния цифровых технологий на дипломатию, а также выявляются ключевые подходы к определению цифровой дипломатии, учитывая особенности организации сетевого пространства.

В первом параграфе третьей главы мы рассмотрим ряд кейсов «уличной политики», факторами которых является проведение политики цифровой дипломатии: протесты в США, сопровождавшиеся штурмом Капитолия в январе 2021 года и общественное движение «Желтые жилеты» во Франции, а также кейса протестных акций, проходивших под лозунгом «Black Lives Matter». Во втором параграфе третьей главы, был проведен количественный контент-анализ политики цифровой дипломатии Государственного департамента США (на примере кейса протестных акций, проходивших в Республике Казахстан в январе 2022 года).

Глава 1. Подходы к исследованию «уличной политики»

1.1 Улица как объект исследования публичной сферы

Для анализа «уличной политики» и особенностей ее устройства авторами представляется необходимым обозначить поле, в контексте исследования которого, следует определять «уличную политику». Улица всегда представлялась пространством мало контролируемым, непредсказуемым и динамичным. Задаваясь вопросом о том, почему появилась «уличная политика», мы приходим к вопросу о том где и кем, в принципе, обсуждаются общественно значимые вопросы, что образует коммуникационное поле такой политики?

Необходимо обозначить некоторую сферу общественной и политической деятельности, в рамках которой ведутся дискуссии об устройстве общества, для того, чтобы выявить дихотомию, основанную на разнице устройства таких сфер, ее участников, а также на разнице принятого в различных сферах языка коммуникации. Изначально, несмотря на доступность и открытость, улица не рассматривалась в качестве публичного пространства. Публичная сфера была одновременно одной из самых популярных и наиболее обсуждаемых концепций в политической философии 20-го века. Концепция публичной сферы не является ни фиксированной, ни стабильной. В.С. Вахштайн^{44*} и Т.В. Вайзер определяют публичную сферу, как «сферу общественной и политической деятельности, которая предполагает активное и открытое участие граждан в обсуждении общественно значимых вопросов, выработке и принятии общественно значимых решений»⁴⁵. То, что улица не рассматривалась в качестве публичного пространства является фактором «неинституционального» характера представлений об улице, которые доминировали в XX веке. Спорный характер концепции стал

---

⁴⁴ Признан иностранным агентом в Российской Федерации.

⁴⁵ Вахштайн В.С., Вайзер Т.В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности //Available at SSRN 2807018. – 2016.

очевиден в начале XX-го века в ходе дебатов между Дьюи⁴⁶ и Липпманом⁴⁷, которые не согласны друг с другом по поводу статуса публичной сферы. С существенными различиями в определении, в том числе с точки зрения соотношения частного и публичного в социальной сфере, понятие появляется также в работах Нэнси Фрейзер⁴⁸, Чарлиза Тейлора⁴⁹ и других.

Концепция публичной сферы по существу спорная концепция и «любые определения публичных сфер всегда имеют по крайней мере некоторые сходства или критерии с другими, но ни один набор критериев не является общим для всех»⁵⁰. Обращаясь к концептуализации понятия «публичная сфера» стоит отметить то, как концепция публичной сферы была сформулирована в работах Юргена Хабермаса. В настоящей работе для анализа понятия «публичная сфера» мы будем опираться на работы Ю. Хабермаса: «Структурная трансформация публичной сферы»⁵¹, «Теории коммуникативного действия»⁵², «Между фактами и нормами: вклад в дискурсивную теорию права и демократии»⁵³. Идеи, представленные в данных работах породили богатую критическую мысль, в том числе для современных теорий демократий.

В работе «Структурная трансформация публичной сферы», опубликованной в 1962 году, Ю. Хабермас определял публичную сферу как продукт буржуазной среды. Буржуазная среда, по мнению Ю. Хабермаса была образована в VIII и IX веках в Европе. Публичная сфера в это время имеет горизонтальную структуру на уровне между государством и обществом. В ней также обсуждаются общественно значимые проблемы: «понятия «публичный», «публичность» начинают относиться не к официальным

---

⁴⁶ Dewey J. The Public and Its Problems (Athens, OH //Swallow Press. – 1927. – Т. 1954. – С. 219.

⁴⁷ Lippmann W. „1925. The Phantom Public.

⁴⁸ Fraser N. Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy //Social text. – 1990. – №. 25/26. – С. 56-80.

⁴⁹ Taylor C. Modern social imaginaries. – Duke University Press, 2004.

⁵⁰ Tully J. On the Global Multiplicity of Public Spheres //Emden Ch. J., Midgley DR (eds.), Beyond Habermas. Democracy, knowledge, and the public sphere, New York, Berghahn Books. – 2012. – С. 169-204.

⁵¹ Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы //М.: Прогресс. – 1989.

⁵² Habermas J. Theory of Communicative Action, Volume 1: Reason and the Rationalization of Society. – 1985.

⁵³ Habermas J. Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy. – John Wiley & Sons, 2015.

представителям и пространствам власти, а к гражданскому обществу»⁵⁴. В описываемой работе автор отмечает, что в XX веке публичная сфера претерпевает трансформацию и в конечном счете упадок. Так, «если раньше публичная сфера играла роль посредника между государством и обществом, то проникновение в неё частных интересов вызывает процесс деполитизации»⁵⁵. Именно с анализа работы «Структурная трансформация публичной сферы» начинается развитие критической мысли, которая, в конечном итоге, раскрыла понятие «публичная сфера» в рамках современного общества.

В работе Ю. Хабермаса «Теория коммуникативного действия»⁵⁶ публичная сфера является посредником между так называемой системой и жизненным миром. Под «системой», в данной работе, автор понимает работу государства и рынка. Под жизненным миром понимаются повседневные межсубъективные отношения. Таким образом, система и жизненный мир образуют двойственную концепцию общества. Так как приватное становится политическим, а значит и публичным, публичная сфера больше не считается «ликвидированной». В данном случае, коммуникация, на которой основана публичная сфера, создает идеальную ситуацию, направленную на выработку общего консенсуса. Модель критикуется за рационализацию, за допущение о «насильственном» убеждении участников коммуникации, так как в другом случае консенсус был бы невозможен.

В 1992 году была опубликована работа «Между фактами и нормами: вклад в дискурсную теорию права и демократии»⁵⁷, в которой Ю. Хабермас определяет публичную сферу как «сеть для передачи информации и точек зрения». Отмечая, что в публичной сфере «потoki коммуникации в процессе фильтруются и синтезируются таким образом, что они объединяются в группы

---

⁵⁴ Вахштайн В.С., Вайзер Т.В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности // Available at SSRN 2807018. – 2016.

⁵⁵ Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы // М.: Прогресс. – 1989.

⁵⁶ Habermas J. Theory of Communicative Action, Volume 1: Reason and the Rationalization of Society. – 1985.

⁵⁷ Habermas J. Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy. – John Wiley & Sons, 2015.

тематически определенных общественных мнений»⁵⁸. Общественное мнение становится продуктом коллективной коммуникативной деятельности, направленной на достижение консенсуса⁵⁹. В целом же, Ю. Хабермас определял публичную сферу как сеть для обмена информацией и точками зрения (т.е. мнениями, выражающими положительное или отрицательное отношение), отмечая при этом, что потоки коммуникации в процессе фильтруются и синтезируются таким образом, что они объединяются в пучки тематических общественных мнений⁶⁰.

Ю. Хабермас является сторонником нормативной концепции. Но также, есть концепции, которые в своем определении публичной сферы делают акцент не на том, какая должна быть публичная сфера, а на том, какая она есть. Такой функционалистский подход характерен, например, для концепций публичной сферы Н. Лумана⁶¹. Внедряя концепцию публичной сферы в свой подход к теории систем, Луман лишает публичную сферу любых претензий на рациональность и описывает ее с описательно-функционального ракурса.

Для настоящей работы большой интерес представляет критическая мысль, которая развилась благодаря рассмотренным выше работам Ю. Хабермаса. В 1970-е годы появляется понятие контрпубличной сферы, под которой понимается пролетарская, уличная публичность⁶². Так как, по мнению Ю. Хабермаса, коммуникация в публичной сфере носит характер рациональной дискуссии, публичная сфера включает в себя тех субъектов, которые пользуются определенным заданным языком коммуникации.

Вследствие отсутствия равного статуса участников политического сообщества, образующиеся контрпубличные сферы становятся

---

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Бодрунова С. С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. 14. – №. 1.

⁶⁰ Habermas J. *Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy*. – John Wiley & Sons, 2015.

⁶¹ Luhmann N. *The reality of the mass media*. – Stanford, CA : Stanford University Press, 2000. – С. 1.

⁶² Negt O., Kluge A. *Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of Bourgeois and Proletariat Public Sphere*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

подчиненными по отношению к «главной» публичной сфере⁶³. По мнению критического теоретика Н. Фрейзер, либеральная публичная сфера Хабермаса не рассматривает другие нелиберальные сферы⁶⁴. Н. Фрейзер, таким образом, утверждает существование множественных публичных сфер наряду с буржуазной сферой, при этом множество публичных сфер соревнуются между собой⁶⁵.

Множество подчиненных субпублик не дестабилизируют публичную сферу. Они являются залогом развития особой формы демократии — аудиальной, при которой власть не находится в руках большинства, а для каждого существует возможность выразить свой опыт, стать участником публичной сферы. Юрген Хабермас позже признал расширение категории «публичная сфера» до «публичных сфер», подразумевая под такой трансформацией наличие множества публичных сфер. Таким образом, возникает новый уровень понимания понятия «публичная сфера», в результате критического вклада Нэнси Фрейзер, Негта и Ключе, Томпсона и других.

Определение «публичного» требует понимания того, что существуют языковые нормы, выработанные в политическом сообществе. У каждого политического сообщества нормы языковых категорий и стилизаций речи могут быть свои. Язык коммуникации и стиль вырабатывается в политическом сообществе в ходе обсуждений участников друг с другом. Из этого следует, что посредством заданных языковых норм и стилизаций речи некоторые участники сообщества могут быть вытеснены из обсуждения, не будучи понятыми, «услышанными». Таким образом, не будучи «услышанными другими» в должной степени, исключенные субъекты теряют какое-либо влияние на вырабатываемую сообществом политику. Это исключение из

---

⁶³ Fraser N. Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy //Social text. – 1990. – №. 25/26. – С. 56-80.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Абрамова Е. В. Публичная сфера, городское пространство и новые медиа //Философский журнал. – 2012. – №. 2 (9).

диалога создает для множества публичных сфер проблему подчиненного состояния⁶⁶.

Другим важным аспектом в вопросе исключения из публичной сферы в критической мысли стал вопрос о том, что обсуждается в политическом сообществе. Ю. Хабермас в своей работе «Структурная трансформация публичной сферы»⁶⁷ пишет о том, что частные интересы разрушают публичную сферу. Такие критические теоретики как Фрейзер ставили вопрос о невозможности провести границу между частными и общественными интересами, так как исключая частные вопросы из обсуждения, люди и проблемы исключаются из публичного диалога⁶⁸, в котором гегемонистское сообщество определяет «важные» для обсуждения темы.

Критическая мысль коснулась и концепции коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса. Это модель переговорной демократии, которая строится на принципе коммуникации в открытом пространстве, где в ходе дискуссий и обсуждений в обществе вырабатывается консенсус. Сама консенсуальная модель публичной сферы является критикой мажоритарной, т.е. основанной на воле большинства, демократии⁶⁹. В 1990-х годах Ю. Хабермас в своей теории развивает понимание делиберативной демократии как демократии выбора путем разумного обсуждения и достижения консенсуса⁷⁰. Принцип концепции коммуникативной рациональности заключается в достижении согласия или консенсуса путем обмена рациональной аргументацией равных разумных граждан.

Шанталь Муфф критикует концепцию Ю. Хабермаса за идеализацию публичной сферы. Модель рационального консенсуса породила полезную для политической мысли критику, исходящую из ряда факторов, таких как

---

⁶⁶ Вахштайн В.С., Вайзер Т.В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности //Available at SSRN 2807018. – 2016.

⁶⁷ Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы //М.: Прогресс. – 1989.

⁶⁸ Fraser N. Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy //Social text. – 1990. – №. 25/26. – С. 56-80.

⁶⁹ Вахштайн В.С., Вайзер Т.В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности //Available at SSRN 2807018. – 2016.

⁷⁰ Бодрунова С. С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения //Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. 14. – №. 1.

единственное для всех участников обсуждения понятие общего блага, культура, язык, стиль аргументации⁷¹. Сторонники модели «значимого диссенсуса» говорят о том, что при несовпадении данных факторов консенсус окажется мнимым, либо же права и интересы одного или нескольких участников обсуждения не будут учтены⁷². Шанталь Муфф и другие теоретики «радикальной демократии» понимают публичную сферу как образование, где несогласия не игнорируются, а понимаются как должное и необходимое⁷³.

Таким образом, развитию истинной демократии, или свободного общества способствует легитимация конфликта и несогласия. Способность каждой из групп выражать свой голос и свое мнение, взаимодействуя друг с другом приводит к тому, что ни одно из мнений и голосов не останется не услышанным. Взаимодействие этих групп строиться не на универсализации или исключении различий, а на становлении акцента на этих различиях и на том, как принимать решения в таких условиях.

Позже Ю. Хабермас принимает критику, признавая плюрализм неравных позиций в публичной сфере, а также то, что существование множества публичных сфер гарантирует большую доступность публичной сферы. Существуют критические замечания в отношении концептуализации публичной сферы Ю. Хабермаса, чья теория предоставила почву для размышлений над эмпирическими, историческими и нормативными недостатками концепции публичной сферы. Отмечается, что «современные исследования, совершающиеся в попытках переосмысления понимания феномена публичной сферы и поиска новых подходов, стараются также учитывать изменения в публичной сфере, которые происходят под влиянием интернета и социальных медиа⁷⁴.

---

⁷¹ Вахштайн В.С., Вайзер Т.В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности //Available at SSRN 2807018. – 2016.

⁷² Там же.

⁷³ Mouffe C. Conclusion: The ethics of democracy //Mouffe, Chantal (Hg.), The democratic paradox, London: Verso, S. – 2000. – Т. 129. – С. 140.

⁷⁴ Salikov A. Hannah Arendt, Jürgen Habermas, and Rethinking the Public Sphere in the Age of Social Media //Russian Sociological Review. – 2018. – Т. 17. – №. 4. – С. 88-102.

1.2 «Уличная политика» в контексте исследования публичности

В рамках настоящего исследования особое внимание следует уделить работе социолога О.Негта и кинорежиссера А.Клюге «Публичная сфера и опыт»⁷⁵, написанной в 1972 году. Авторы, критикуя концепцию публичной сферы Ю. Хабермаса, выдвинули собственную идею, так называемой, контрпубличной сферы. Под понятием контрпубличная сфера понимается пролетарская, уличная, укорененная в опыте публичность⁷⁶. О. Негт и А. Клюге также критикуют концепцию коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса за ее идеализацию, отрицая универсальность и открытость публичной сферы.

Главная или гегемонистская публичная сфера не является открытым пространством для дискуссий, выступая исключаящим фактором. Субъекты же, исключенные из публичного обсуждения «собираются вместе, они двигаются и говорят вместе, и они претендуют на определенное пространство как на общественное пространство»⁷⁷. Исключенные из главной публичной сферы субъекты образуют контрпублику или «пролетарскую» публичную сферу, которая появляется из существующей дискриминации. Описанный Хабермасом упадок буржуазной сферы, по мнению О. Негта и А. Клюге, «стал результатом исключения других социальных групп, прежде всего пролетариата»⁷⁸. «Большая» публичная сфера не обладает альтернативными пространствами для дискуссий, именно единство «главной» публичной сферы оправдывает дискриминацию включения различных групп в общее дискуссионное поле⁷⁹. В глобализованном обществе некоторые социальные

---

⁷⁵ Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of Bourgeois and Proletariat Public Sphere. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

⁷⁶ Вахштайн В.С., Вайзер Т.В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности //Available at SSRN 2807018. – 2016.

⁷⁷ Butler J. Bodies in Alliance and the Politics of the Street //European Institute for Progressive Cultural Policies. – 2011. – Т. 9. – С. 1-29.

⁷⁸ Абрамова Е. В. Публичная сфера, городское пространство и новые медиа //Философский журнал. – 2012. – №. 2 (9).

⁷⁹ Бодрунова С. С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения //Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. 14. – №. 1.

группы, раньше не имевшие право голоса, обрели его: женщины, мигранты, национальные меньшинства⁸⁰.

Также, как было отмечено, большую роль во включении новых участников в буржуазную публичную сферу играет язык коммуникации и заданный характер дискуссии. Пролетарская уличная контрпубличная сфера обладает собственным языком аргументации, который заключается в выражении коллективного опыта. Уличная контрпубличная сфера укоренена в опыте, выражение которого является «моделью производства качественно новых форм публичных сфер и общественного сознания»⁸¹. «Публичная сфера» и «опыт» представлены в работе О. Негта и А. Клуге категориями социальной теории и политической организации. Авторы, определяя общественную сферу как категорию, относящуюся ко всей совокупности общества, не размышляют на уровне дискуссии об общественной сфере и общественном мнении⁸². По сути, общественная сфера является категорией, обозначающей посредника «между изменяющимися формами капиталистического производства, с одной стороны, и культурной организацией человеческого опыта с другой»⁸³.

Таким образом, по мнению О. Негта и А. Клуге общественная сфера организует человеческий опыт⁸⁴. Именно публичная сфера является центральным элементом в организации человеческого опыта, так как представляет не только общественные институты, но и общий горизонт сформулированной индивидами интерпретации социальной реальности⁸⁵.

---

⁸⁰ Cohen J.L. *Critical Social Theory and Feminist Critiques: The Debate with Jürgen Habermas*// Meehan J. (ed.) *Feminists Read Habermas: Gendering the Subject of Discourse*. New York: Routledge, 1995. P. 57–90.

⁸¹ Negt O., Kluge A. *Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere*. Minneapolis (MN), 1993 [1972]. P. 7.

⁸² Knödler-Bunte E., Lennox S., Lennox F. *The proletarian public sphere and political organization: an analysis of Oskar Negt and Alexander Kluge's The Public Sphere and Experience //New German Critique*. – 1975. – №. 4. – С. 51-75.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Negt O., Kluge A. *Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere*. Minneapolis (MN), 1993 [1972].

⁸⁵ Knödler-Bunte E., Lennox S., Lennox F. *The proletarian public sphere and political organization: an analysis of Oskar Negt and Alexander Kluge's The Public Sphere and Experience //New German Critique*. – 1975. – №. 4. – С. 51-75.

Согласно консенсуальной концепции Ю. Хабермаса, частные интересы не должны проникать в публичную сферу. О. Негт и А. Клуге критикуют такой подход, и утверждают, что буржуазная публичная сфера имеет свои интересы, часто носящие экономический характер, и что исключение частных проблем и в целом исключение возможности выражения частного опыта порождает элитарную природу главной публичной сферы⁸⁶. Пролетариат не имеет возможности быть услышанным, так как представляет свой частный опыт⁸⁷, который по сути не может быть представлен, так как относится к области частного, а не публичного. Кроме того, дискурс пролетарской контрпублики, по мнению авторов концепта, не обладает принятой в «главной публичной сфере» рациональностью. Именно «главная» публичная сфера определяет — что является публичным или достойным общего обсуждения и включения всех участников вопроса в дискуссию. Возыметь право голоса можно лишь отказавшись от личного опыта, от форм его выражения, превратив опыт в «частную проблему».

Таким образом, классическая публичная сфера, которую описал Ю. Хабермас не принадлежит народу и носит элитистский характер. Таким образом, мы можем выделить три критерия буржуазной публичной сферы: единство, выработанный особый язык коммуникации и механизмы исключения. В целом, исключенные из «главной» публичной сферы группы, обладая особым языком коммуникации, с целью выразить свое мнение, «наделив» себя правом голоса образуют контрпублику.

По мнению В.С. Вахштайн* и В.С. Вайзер: «гегемонистские структуры обладают такой организацией публичного пространства и дискурса, при которой одни социальные и политические группы неизбежно будут иметь больше возможностей быть услышанными, чем другие»⁸⁸. Из выше сказанного

---

⁸⁶ Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere. Minneapolis (MN), 1993 [1972].

⁸⁷ Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere. Minneapolis (MN), 1993 [1972].

⁸⁸ Вахштайн В.С., Вайзер Т.В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности // Available at SSRN 2807018. – 2016.

мы можем предположить существование такой ситуации, когда формально группы включены в публичную дискуссию, однако, на самом деле – они исключены из «главной» сферы именно отказом быть услышанными. Под буржуазной публичной сферой автор понимает обладающую единством, иерархической структурой, собственным стилем аргументации и исключающими механизмами публичную сферу, основанную на коммуникации, которая создает идеализированную ситуацию, направленную на выработку общего консенсуса. Изменение условий и опыта приводит к изменениям в формах и способах организации контрпубличных сфер. В отсутствие возможности выразить опыт контрпубличные сферы формируют оппозицию. Традиционные способы выражения политического недовольства через партии, общественные организации, заменяются тем, что мы называем «уличной политикой».

Таким образом, на смену концепции публичной сферы, описанной Ю. Хабермасом и являющейся классической, идеализированной моделью приходят концепции «массовых» публичных сфер. «Контрпублики, исключенные из гегемонистской публичной сферы, выражая свой коллективный опыт, создают собственный дискурс — образуется народное, массовое движение, которое перемещается на улицы»⁸⁹. В настоящее время всё чаще «уличная политика» осуществляется без системы представительства, часто без лидера или программы⁹⁰.

В попытках стать услышанными контрпублики выражают свой голос иным, отличным от принятых в буржуазной публичной сфере способов выражения своего голоса. Для того, чтобы легитимировать выражение коллективного опыта через уличные собрания и оккупации пространства необходимо понимание того, что улица — это пространство, включенное в новую форму политического действия. Уличные собрания и оккупации

---

⁸⁹ Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere. Minneapolis (MN), 1993 [1972].

⁹⁰ Ожъен А., Борисенкова А. Уличная политика и политика голосования // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13. – №. 1.

пространства — это ненасильственные формы выражения политического действия. Ряд исследователей⁹¹ полагают, что социальный активизм и социальный протест можно изучать вместе. По мнению С. Тэрроу⁹², социальные движения — это коллективные действия, основанные на четырёх свойствах: коллективный вызов, общая цель, социальная солидарность и устойчивое взаимодействие.

Современная политическая мысль может представлять три теоретические модели концептуализации протестов⁹³. Первая концепция — концепция коллективного действия, или теория конвергенции. Протестное поведение, согласно ей, — это массовые, иррациональные действия, которые совершает толпа. Яркими сторонниками концепции коллективного действия являются Г. Лебон (теория заражения), Г. Олпорт (теория конвергенции), Н. Смелзер (теория прирастающей ценности), Х. Ортеги-и-Гассет, Г. Тард. Согласно второй концепции — теории мобилизации ресурсов, ключевую роль для мобилизации недовольных групп играет наличие или отсутствие ресурсов⁹⁴. Среди сторонников данной концепции — Ч. Тилли, Дж. Маккарти, М. Зальд. Представителями третьей модели — теории относительной депривации являются Дж. Девис, С. Стауффер, Р. Мертон. Депривация, согласно теории, есть чувство неудовлетворения, которое побуждает к агрессии, к проявлению протестного поведения и которое появляется когда ожидания человека не соотносятся с реальным положением вещей. Помимо прочего, существует также корреляция между экономическим благосостоянием и протестом⁹⁵. Для выявления тенденций в формировании протестных настроений, описанные теории рассматриваются в совокупности.

---

⁹¹ Nara A. et al. The opportunities and challenges with social media and big data for research in human dynamics // Human Dynamics Research in Smart and Connected Communities. – Springer, Cham, 2018. – С. 223-234.

⁹² Tarrow S. G. Power in movement: Social movements and contentious politics. – Cambridge University Press, 2011.

⁹³ Дементьева И.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке. // Журнал: Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – Выпуск № 4 (116) - 2013 г. – С. 3-12

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Griffin J. D. Income Inequality, Citizen Polarization, and Political Protest. // University of Colorado Boulder. [Электронный ресурс] / European Consortium for Political Research. URL:

Как было отмечено, контрпублики не обладают достаточно рациональным способом коммуникации. Они выражают коллективный опыт исключенных из официального диалога субъектов, создавая, таким образом, по возможности легитимную «уличную политику». То есть улица — это пространство для массового выражения народного недовольства исключенных из буржуазной публичной сферы субъектов. Контрпубличная сфера содержит в своем понимании категорию «народная» как противопоставление элитной, властной, институциональной организации. Выражение контрпубликами коллективного опыта не сопровождается институционализацией процесса. Обращаясь к вопросу о дискуссионности определения «уличной политики», стоит отметить, что в определении автор будет отталкиваться от рассмотренной ранее дихотомии буржуазной публичной сферы и контрпубличной сферы.

Таким образом, «уличная политика» — *это народная неинституционализируемая коммуникационная организация уличного пространства, осуществляемая исключенными из «главной» публичной сферы субъектами, образующими массовое выражение коллективного опыта вне элитистской публичной сферы, её правил и иерархической структуры.*

Рассматриваемый автором феномен «уличной политики» не подразумевает организацию уличного пространства с поддержкой идеологизированных групп, движений и партий. Идеологизированные протестные движения несут в себе публичные требования, политические идеи, принципы, фокус социального взаимодействия. В то время как «уличная политика» организуется вокруг частных проблем и актуализируется посредством конкретного триггера с последующими требованиями решения частных вопросов, вытесненных из общего дискурса «главной» публичной сферы.

Автор использует более узкое, чем подразумевает обыденное понимание, понимание «уличной политики». Улица выступает скорее как фундаментальный фактор такой политики, а не просто как «место действия». Расширение «уличной политики» до категории пространства включит институциональные проявления политического процесса, что ослабит содержательную часть концепта, излишне расширив его. Мы же понимаем улицу как центральный фактор формирования «уличной политики». Характерным признаком уличной политики является доминирование толпы, обладающей специфической формой сознания. Традиционно в политическом сознании выделяют два противоположных компонента: политическую психологию и политическую идеологию — эмоциональный и рациональный уровни. В своем определении мы стремились обозначить, что являясь пространством толпы улица ориентирует на эмоциональные, а не рациональные проявления, и в связи с этим уличная политика является скорее деидеологизированной, антирациональной и эмоциональной. За счет ориентации толпы на эмоциональный уровень политического сознания создается исключаящий фактор политических субъектов из «главной» публичной сферы, в которой превалирует рациональный формат дискуссий, исключение частных проблем из обсуждения, а также, как было обозначено, элитистский характер буржуазной публичной сферы.

Городское пространство пронизано политическими границами⁹⁶. В то же время, улица — это пространство, где возможна нелегальная и зачастую нелегитимная смена режима и даже революция. Уличные демонстрации увековечили себя как место проведения политики и коллективной мобилизации⁹⁷. Когда кто-то избегает городских районов с мусульманским населением — это пример повседневной уличной политики⁹⁸. Р. Сеннет

---

⁹⁶ The Return of Street Politics? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://blogs.helsinki.fi/streetpolitics/2014/03/24/the-return-of-street-politics/> (дата обращения: 28.11.2021).

⁹⁷ La rue comme lieu de substitution au politique [Электронный ресурс] / France Culture / Режим доступа: <https://www.franceculture.fr/emissions/les-rencontres-de-petrarque/la-rue-comme-lieu-de-substitution-au-politique> (дата обращения: 28.11.2021).

⁹⁸ The Return of Street Politics? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://blogs.helsinki.fi/streetpolitics/2014/03/24/the-return-of-street-politics/> (дата обращения: 28.11.2021).

понимает город как «поселение людей, в котором встречаются незнакомые друг другу люди, скученность которых создается рыночным обменом и разнообразными взаимодействиями масс людей».⁹⁹ Центральной темой одной из работ Р. Сеннета¹⁰⁰ является длительный процесс формирования городского пространства через рассмотрение истории терминов «публичное» и «приватное». Сфера «публичного» в городском пространстве включает в себя совершенно незнакомых людей. Уличная политика — это политика зрелищности, которая теперь усиливается благодаря мгновенному освещению в СМИ¹⁰¹.

Теоретическое осмысление концепции «публичная сфера» представлено несколькими подходами. Особое внимание в настоящей работе было уделено нормативной концепции Ю. Хабермаса. Представленная концепция претерпевала изменения, породив критику, способствующую ее дальнейшему развитию. Описанная в настоящей главе критика была воспринята современными теориями демократиями. В работе «Публичная сфера и опыт» О. Негт и А. Клюге представили концепцию пролетарской, контрпубличной сферы, противопоставив ее классической публичной сферы. Исключение из общего дискурса «главной» публичной сферы образует группы «изгнанных», вытесненных субъектов, которые, представляя свой коллективный опыт, не имеют возможности быть услышанными. В поисках возможности представить свой частный дискурс, «наделить» себя правом голоса, они выходят на улицу, создают механизмы влияния на изменения в обществе, образуя уличную публичность.

---

⁹⁹ Sennett R. The conscience of the eye. The design of social life of cities. N.Y.; L., 1990; Idem. Flesh and stone. The body and the city in Western civilization. N.Y.; L., 1994; Сеннет Р. С. 50

¹⁰⁰ Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002.

¹⁰¹ The Return of Street Politics? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://blogs.helsinki.fi/streetspolitics/2014/03/24/the-return-of-street-politics/> (дата обращения: 28.04.2020).

Глава 2. Концепция цифровой дипломатии и ее практическое применение

2.1 Эволюция концепта «новая публичная дипломатия»

Публичная дипломатия является междисциплинарной областью науки. Она опирается на такие дисциплины, как международные отношения, массовые коммуникации, политология, исследования в области мира и права¹⁰². За последние два десятилетия ученые представили несколько моделей и теоретических подходов к публичной дипломатии^{103 104 105 106}, другая группа исследователей опиралась на теории связей с общественностью и массовых коммуникаций, чтобы предсказать и объяснить некоторые ключевые функции публичной дипломатии по управлению отношениями и репутацией^{107 108}. В то время как оба подхода вносят важный вклад в дальнейшее развитие этой области, развитие публичной дипломатии как академической дисциплины подрывается отсутствием четкой организационной теоретической основы¹⁰⁹.

Официальные органы с фактическими функциями публично-дипломатического характера в США появились в конце 40-х годов XX

---

¹⁰² Gilboa E. Searching for a theory of public diplomacy //The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – Т. 616. – №. 1. – С. 55-77..

¹⁰³ Cull N. J. Public diplomacy: Taxonomies and histories //The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – Т. 616. – №. 1. – С. 31-54.

¹⁰⁴ Entman R. M. Theorizing mediated public diplomacy: The US case //The International Journal of Press/Politics. – 2008. – Т. 13. – №. 2. – С. 87-102.

¹⁰⁵ Gilboa E. Searching for a theory of public diplomacy //The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – Т. 616. – №. 1. – С. 55-77.

¹⁰⁶ Golan G. J. An integrated approach to public diplomacy //American Behavioral Scientist. – 2013. – Т. 57. – №. 9. – С. 1251-1255.

¹⁰⁷ Grunig J. E. Public relations and international affairs: Effects, ethics and responsibility //Journal of International Affairs. – 1993. – С. 137-162.

¹⁰⁸ Tam L., Kim J. N. Who are publics in public diplomacy? Proposing a taxonomy of foreign publics as an intersection between symbolic environment and behavioral experiences //Place Branding and Public Diplomacy. – 2019. – Т. 15. – №. 1. – С. 28-37.

¹⁰⁹ Golan G. J., Manor I., Arceneaux P. Mediated public diplomacy redefined: Foreign stakeholder engagement via paid, earned, shared, and owned media //American Behavioral Scientist. – 2019. – Т. 63. – №. 12. – С. 1665-1683.

столетия¹¹⁰. Во время «холодной войны» термин «публичная дипломатия» понимается как синоним слова «пропаганда», которое имеет негативную коннотацию. В середине 60-х годов появляется концепция «культурного империализма» — концепция культурного влияния, которое оказывается одной страной на другую с помощью средств массовой информации, продуктов мультимедиа, культуры, образования и др. «Средства массовой коммуникации ... предоставляют мощные инструменты для формирования более информированного общественного мнения»¹¹¹. Таким образом «культурный империализм» является важным инструментом внешней политики государства. Однако сегодня мы говорим о том, что существует качественное различие между публичной дипломатией и внешней пропагандой. Так, внешняя пропаганда, в отличие от публичной дипломатии, использует средства коммуникации, основанные на одностороннем обмене сообщениями, а не на диалоге¹¹². Некоторые ученые отмечают, что основное отличие «пропаганды» от «публичной дипломатии» в восприятии понятий: пропаганда — это «лживая» политика государства¹¹³. В 1942 году правительство США начало коротковолновые радиопередачи с "Голосом Америки", и общественная дипломатия привыкла иметь в своем распоряжении целый ряд «быстрых средств массовой информации» для связи с миром¹¹⁴.

Интерес к сфере публичной дипломатии потребовал научного осмысления понятия. Термин «публичная дипломатия» впервые был предложен американским исследователем Эдмундом Галлионом в 1965 году¹¹⁵, который описал «публичную дипломатию» следующим образом:

---

¹¹⁰ Бахриев Б. Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2017. – №. 1. – С. 131-147.

¹¹¹ Цитата Генерального секретаря ООН ООН Д. Хаммаршёльд в 1958 г. Dag Hammarskjöld: The UN years. URS: <http://www.un.org/Depts/dhl/dag/time1958.htm>: <https://www.un.org/depts/dhl/dag/time1958.html>

¹¹² Pajtinka E. Public Diplomacy as a Theoretical Problem: Searching for a Definition // European Journal of Transformation Studies. – 2019. – Т. 7. – №. 2. – С. 21-32.

¹¹³ Misyuk I. Propaganda and public diplomacy: The problem of differentiation. – 2013.

¹¹⁴ Cull N. J. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy // International Studies Review. – 2013. – Т. 15. – №. 1. – С. 123-139.

¹¹⁵ What is Public Diplomacy? [Электронный ресурс] / United States Information Agency Alumni Association / Режим доступа: <http://www.publicdiplomacy.org/1.htm> (дата обращения: 15.11.2021)

«публичная дипломатия, выходящая за рамки традиционной демократии имеет дело с влиянием общественного мнения на формирование и поведение внешней политики» и что «центральное место в публичной дипломатии занимает транснациональный поток информации и идей»¹¹⁶. Как отмечает британский историк Николас Дж. Калл, «технологии сыграли свою роль во время холодной войны, поскольку правительство Соединенных Штатов продолжало демонстрировать свои технологии для повышения своего престижа и делиться технологиями с теми государствами, которые оно хотело развивать»¹¹⁷: телевидение, радио, а затем и компьютерные сети для доступа в Интернет.

После того, как термин «публичная дипломатия» был впервые определен Эдмундом Галлионом в 1965 году, он претерпевает постоянную трансформацию. Пытаясь создать академическую область, которая бы занималась вопросом публичной дипломатии, исследователи приспосабливаются к изменяющимся реалиям политического, социального и технологического характера: окончание холодной войны, глобализация, рост популярности сети Интернет, который сопровождает стремительное распространение социальных сетей, появление новых важных негосударственных акторов международной политической коммуникации.

После распада СССР и окончания «холодной войны» произошло переосмысление понятия «публичная дипломатия», появился ряд концепций дополняющих друг друга. Так например, Б. Сигницер и Т. Кумбс в своей работе «PR и публичная дипломатия: концепция сближения»¹¹⁸ указывают на то, что PR позволяет работать с публичной дипломатией с пониманием специфики формирования общественного мнения, с использованием новых методов и приемов. Хотя публичная дипломатия и международные связи с

---

¹¹⁶ What is Public Diplomacy? [Электронный ресурс] / United States Information Agency Alumni Association / Режим доступа: <http://www.publicdiplomacy.org/1.htm> (дата обращения: 15.11.2021)

¹¹⁷ Cull N. J. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy //International Studies Review. – 2013. – Т. 15. – №. 1. – С. 123-139.

¹¹⁸ Signitzer B. H., Coombs T. Public relations and public diplomacy: Conceptual covergences //Public relations review. – 1992. – Т. 18. – №. 2. – С. 137-147.

общественностью являются близкими дисциплинами, поскольку обе они направлены на укрепление имиджа, репутации и престижа стран, связи с общественностью, в отличие от публичной дипломатии, ориентированы в первую очередь на внутреннюю общественность и их целью является информирование, а не влияние на граждан¹¹⁹. Некоторые эксперты¹²⁰ понимают государственные связи с общественностью министерств иностранных дел — или, по крайней мере, часть их деятельности — как часть публичной дипломатии, понимая под этим термином не только деятельность государства, осуществляемую в отношении общественности за рубежом, но и деятельность государства по отношению к внутренним социальным субъектам¹²¹. Действительно, если государство желает эффективно влиять на общественное мнение за рубежом в соответствии со своими собственными внешнеполитическими интересами, оно должно сосредоточиться не только на получении поддержки и симпатий общественности в самих зарубежных странах, но и на обеспечении поддержки внутренней общественности или внутренних социальных субъектов — это особенно связано с тем, что граждане и неправительственные организации могут быть исключительно эффективными субъектами публичной дипломатии, поскольку их действия влияют на сообщество конкретной страны более надежным образом¹²².

Затем к 1999 году интерес к «публичной дипломатии» в правительственных структурах США утих, что было связано с передачей исследовательских, пропагандистских, культурных и обменных элементов USIA, информационного агентства США, занимающегося «общественной дипломатией», Государственному департаменту, в то время как элементы международного вещания (главным образом "Голос Америки") стали

---

¹¹⁹ Pajtinka E. Public Diplomacy as a Theoretical Problem: Searching for a Definition //European Journal of Transformation Studies. – 2019. – Т. 7. – №. 2. – С. 21-32.

¹²⁰ Peterková J. et al. The impact of the EU accession on the domestic dimension of public diplomacy—the Czech case //Politické vedy. – 2017. – Т. 20. – №. 2. – С. 8-26.

¹²¹ Pajtinka E. Public Diplomacy as a Theoretical Problem: Searching for a Definition //European Journal of Transformation Studies. – 2019. – Т. 7. – №. 2. – С. 21-32.

¹²² Там же.

официально независимыми при Совете управляющих по вещанию¹²³. Причиной упразднения USIA стал распад Советского союза, и окончание его влияния в Восточной Европе. Однако события 11 сентября 2001 потребовали от дипломатического сообщества новые пути решения того, что такое «публичная дипломатия» и как она должна работать. С этого момента политика публичной дипломатии и целенаправленное развитие ее стратегий распространяются на другие страны.

Мнение о том, что такое «публичная дипломатия» в современной дипломатической практике, а также в академических кругах сегодня разнятся и среди политиков, и среди ученых. Даже в определении того, является ли публичная дипломатия инструментом, который дополняет традиционную дипломатическую практику и способствует достижению результатов внешней политики¹²⁴ или же «публичная дипломатия» в корне меняет традиционную дипломатию, оказывая основополагающее влияние на ее значение и специфику работы. Грегори в своей работе «Определение границ в публичном измерении дипломатии»¹²⁵ в 2016 году раскрыл проблему определения «публичной дипломатии» через наличие широкого спектра уровней абстракций: высоко-абстрактным определениям не хватает практической применимости в силу их склонности не следовать актуальным изменениям в окружающем мире; в то время как апеллирование низко-абстрактными определениями может привести к чрезмерному упрощению и неспособности быть применимыми вне своей сферы, т.е. не могут носить универсальный или междисциплинарный характер.

Словацкий ученый Эрик Пайтинка¹²⁶ выделяет в современных академических источниках четыре различных значения термина «публичная

---

¹²³ Cull N. J. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy //International Studies Review. – 2013. – Т. 15. – №. 1. – С. 123-139.

¹²⁴ Byrne C. Public Diplomacy and Constructivism: A Synergistic and Enabling Relationship //Australian Journal of International Affairs. – 1995. – Т. 49. – №. 2.

¹²⁵ Gregory B. Mapping boundaries in diplomacy's public dimension //The Hague Journal of Diplomacy. – 2016. – Т. 11. – №. 1. – С. 1-25.

¹²⁶ Pajtinka E. Public Diplomacy as a Theoretical Problem: Searching for a Definition //European Journal of Transformation Studies. – 2019. – Т. 7. – №. 2. – С. 21-32.

дипломатия». Первое значение связано с пониманием термина «публичная дипломатия» как синонима открытости и гласности. Стоит отметить, что данное определение относится к первому упоминанию термина «публичная дипломатия», как синонима вежливости (в газете «Times London в 1856 году) и «открытой», «честной» дипломатии (конгрессменом США С. Коксом в 1871)¹²⁷. В данном случае «публичность» является синонимом «гласности». Публичная дипломатия рассматривается как переговоры, проводимые “на глазах”, под наблюдением или контролем общественности.

Второе — “публичная дипломатия” как совокупность всех видов деятельности и проявлений различных субъектов, которые способствуют созданию имиджа государства за рубежом — независимо от того, оказывают ли они положительное или отрицательное влияние. В данном определении отмечается связь публичной дипломатии и связей с общественностью.

Третье — публичная дипломатия как «вся деятельность государственных и негосударственных субъектов, которая способствует поддержанию и продвижению мягкой силы страны»¹²⁸. Несмотря на то, что определение «публичной дипломатии» постоянно подвергается сомнению в связи с меняющейся действительностью и условиями употребления существует концепция, а вместе с ней и предположение, которое повсеместно используется в исследованиях публичной дипломатии: мягкая сила¹²⁹. Публичная дипломатия является основным инструментом «мягкой силы». Дж. Най ввел термин «мягкая сила» для обозначения силы влияния нации, которая в значительной степени основана на воспринимаемых ценностях, социальных нормах и имидже. Ключевым моментом в концепции «мягкой силы» является привлекательность. Именно привлекательность он противопоставляет методам принуждения, силового давления, шантажа. В этом состоит главное

---

¹²⁷ Смирнов Н. А. Публичная дипломатия: эволюция концепта в политической науке // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2015. – №. 1. – С. 78-89.

¹²⁸ Bátorá J. Public diplomacy in small and medium-sized states: Norway and Canada. – The Hague : Netherlands Institute of International Relations, 2005.

¹²⁹ Golan G. J., Manor I., Arceneaux P. Mediated public diplomacy redefined: Foreign stakeholder engagement via paid, earned, shared, and owned media // American Behavioral Scientist. – 2019. – Т. 63. – №. 12. – С. 1665-1683.

отличие «мягкой силы» от пропаганды и иных аналогичных способов воздействия, включая обман, подмена фактов и т.п.¹³⁰.

Наконец, в своем четвертом значении публичная дипломатия ассоциируется с комплексом государственных и, возможно, поддерживаемых государством мероприятий. Публичная дипломатия в этом смысле понимается как своего рода дополнение или аналог «традиционной» правительственной дипломатии¹³¹, как форму дипломатии, которая направлена на достижение целей внешней политики путем влияния на общественное мнение за рубежом. В таком смысле ее понимал и Эдмунд Галлион¹³².

Однако по мнению некоторых исследователей¹³³ последние два значения не разделены, а взаимосвязаны: именно идея Галлиона о том, что практика публичной дипломатии направлена на формирование позитивного общественного мнения в зарубежных странах, и тот факт, что общественность внутри стран влияет на внешнюю политику своего государства¹³⁴ определяет то, что правительства стран по всему миру стремятся позитивно взаимодействовать с гражданами иностранных государств это и есть центральное предположение, которое служит основой исследований и практики публичной дипломатии и лучше всего представлено концепцией мягкой силы Джозефа Ная¹³⁵.

Целью публичной дипломатии является: «влияние на общественное мнение для достижения внешнеполитических целей»¹³⁶, «содействие достижению целей правительства»¹³⁷. В свою очередь в реализации своих национальных интересов страны, использующие различные инструменты

---

¹³⁰ Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы //Вестник МГИМО университета. – 2017. – №. 3 (54). – С. 212-223.

¹³¹ Rajtinka E. Public Diplomacy as a Theoretical Problem: Searching for a Definition //European Journal of Transformation Studies. – 2019. – Т. 7. – №. 2. – С. 21-32.

¹³² What is Public Diplomacy? [Электронный ресурс] / United States Information Agency Alumni Association / Режим доступа: <http://www.publicdiplomacy.org/1.htm> (дата обращения: 15.11.2021)

¹³³ Golan G. J., Manor I., Arceneaux P. Mediated public diplomacy redefined: Foreign stakeholder engagement via paid, earned, shared, and owned media //American Behavioral Scientist. – 2019. – Т. 63. – №. 12. – С. 1665-1683.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Nye Jr J. S. Soft power: The means to success in world politics. – Public affairs, 2004.

¹³⁶ Rajtinka E. Public Diplomacy as a Theoretical Problem: Searching for a Definition //European Journal of Transformation Studies. – 2019. – Т. 7. – №. 2. – С. 21-32.

¹³⁷ Leonard M., Stead C., Sweming C. Public Diplomacy (London: Foreign Policy Centre) //Search in. – 2002.

публичной дипломатии стремятся достичь три цели: во-первых, преодолеть негативные образы из своего прошлого, во-вторых, распространить свои ценности и модель управления и, в-третьих, что чаще всего имеет место, широко обнародовать свои сравнительные экономические и торговые преимущества для иностранных инвестиций¹³⁸.

Природа несовершенных демократий, недавно созданных для значительной части населения мира, в сочетании с беспрецедентным доступом к информации, в том числе о деятельности их собственного правительства, привели к снижению доверия населения к правительствам или к лицам, занимающим официальные должности, снижая их надежность, что особенно важно для развития успешной деятельности в области публичной дипломатии¹³⁹. Таким образом, в литературе появляется распространенное понятие "новая публичная дипломатия"¹⁴⁰. Б. Оцепка¹⁴¹ описывает новую модель публичной дипломатии как модель политической коммуникации и применяет сетевой подход к разработке концепции. Понятие «новая публичная дипломатия» исследователи связывают с именно концепцией «мягкой силы» Дж. Ная¹⁴². Таким образом, публичная дипломатия — это политика ненасильственного воздействия одного государства на общество другого государства. Политика «мягкой силы» может работать как на долгосрочную, так и на краткосрочную перспективу. К долгосрочным относятся такие инструменты публичной дипломатии как, например, предоставление образования иностранным гражданам; к краткосрочным — работа СМИ, групп в социальных сетях и т.д. Действительно, «мягкая сила» — это концепция, которая предполагает построение положительного образа

---

¹³⁸ Trajkov V., Trajkov G. The influence of public diplomacy on the states visibility in the international relations //J. Liberty & Int'l Aff. – 2015. – Т. 1. – С. 70.

¹³⁹ Gurgu E., Cociuban A. D. New public diplomacy and its effects on international level //Journal of Economic Development, Environment and People. – 2016. – Т. 5. – №. 3. – С. 46-56.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Оцепка В. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies //European journal of communication. – 2018. – Т. 33. – №. 3. – С. 290-303.

¹⁴² Nye Jr J. S. Soft power: The means to success in world politics. – Public affairs, 2004.

страны, однако, исследователи отмечают ее негативную сторону¹⁴³, если создание привлекательного образа не несет комплексного характера. Как отмечает Гильбоа¹⁴⁴, мягкая сила настолько важна как концепция публичной дипломатии, что эти два понятия иногда используются взаимозаменяемо.

В то время как для некоторых ученых публичная дипломатия сосредоточена на привлечении правительством иностранной общественности с целью поддержки внешней политики¹⁴⁵, как было сказано выше, другие ученые рассматривают публичную дипломатию в более широкой перспективе, утверждая, что новая публичная дипломатия также включает негосударственных субъектов, таких как корпорации, неправительственные организации, международные правительственные организации и даже отдельных лиц^{146 147 148}.

Согласно второму подходу сетевая модель коммуникации «новой публичной дипломатии» включает в себя множество акторов, частных лиц, негосударственных СМИ и в конце концов каждого желающего и имеющего возможность доступа в Интернет. В целом, «новая публичная дипломатия» появилась в процессе глобализации и ее особенностями являются влияние новых технологий, развитие негосударственных СМИ, растущая роль негосударственных субъектов в международных отношениях. И таким образом мы приходим к пониманию того, как строится сложная коммуникационная модель публичной дипломатии сегодня.

Б. Оценка определяет «публичную дипломатию» как диалогическую форму международной политической коммуникации, направленную на создание взаимовыгодных отношений с общественностью за рубежом для

---

¹⁴³ Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы //Вестник МГИМО университета. – 2017. – №. 3 (54). – С. 212-223.

¹⁴⁴ Gilboa E. Searching for a theory of public diplomacy //The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – Т. 616. – №. 1. – С. 55-77.

¹⁴⁵ Golan G. J. An integrated approach to public diplomacy //American Behavioral Scientist. – 2013. – Т. 57. – №. 9. – С. 1251-1255.

¹⁴⁶ Signitzer B. H., Coombs T. Public relations and public diplomacy: Conceptual covergences //Public relations review. – 1992. – Т. 18. – №. 2. – С. 137-147.

¹⁴⁷ Melissen J. et al. (ed.). The new public diplomacy. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. – С. 292-31.

¹⁴⁸ Golan G. J., Manor I., Arceneaux P. Mediated public diplomacy redefined: Foreign stakeholder engagement via paid, earned, shared, and owned media //American Behavioral Scientist. – 2019. – Т. 63. – №. 12. – С. 1665-1683.

поддержки целей коммуникатора¹⁴⁹. Чтобы понять феномен публичной дипломатии как форму политической коммуникации, рождение «новой публичной дипломатии» было помещено исследователями в рамки третьего века политической коммуникации¹⁵⁰, как это охарактеризовали Джей Блумлер и Деннис Кавана в "Политической коммуникации" в 1999 году и в середине дискуссии о четвертом веке^{151 152}. Именно с 2001 года исследователями используется термин «новая публичная дипломатия» для описания сближения «публичной дипломатии» и культуры. «Новую публичную дипломатию» в терминах коммуникационных моделей можно описать как более симметричную и диалогичную, чем публичную дипломатию времен «холодной войны»¹⁵³. Именно новую публичную дипломатию часто характеризуют в терминах связей с общественностью, несмотря на описанные выше различия подходов связей с общественностью и публичной дипломатии.

Публичная дипломатия, таким образом, претерпевает ряд изменений в интерпретации того, как она работает. Развитие коммуникационных технологий ознаменует собой переход от одних видов коммуникации к другим и сопровождается изменениями специфики публичной дипломатии и ее инструментов. Эндрю Чедвик, представляя концепцию гибридных медиа, подчеркивает переход от одних видов коммуникации к другим как постоянный процесс¹⁵⁴. Разработки в области публичной дипломатии являются отражением этого перехода, и в то же время они способствуют изменениям самой коммуникационной среды. Логика публичной дипломатии адаптируется к логике гибридных сред и турбулентности в международных отношениях¹⁵⁵. Эндрю Чедвик избегает простых различий между старыми и

---

¹⁴⁹ Оciepka B. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies //European journal of communication. – 2018. – Т. 33. – №. 3. – С. 290-303.

¹⁵⁰ Blumler J. G., Kavanagh D. The third age of political communication: Influences and features //Political communication. – 1999. – Т. 16. – №. 3. – С. 209-230.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Оciepka B. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies //European journal of communication. – 2018. – Т. 33. – №. 3. – С. 290-303.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Chadwick A. The hybrid media system: Politics and power. – Oxford University Press, 2017.

¹⁵⁵ Оciepka B. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies //European journal of communication. – 2018. – Т. 33. – №. 3. – С. 290-303.

новыми СМИ, политиками и журналистами, профессиональными писателями и блогерами–любителями, добровольными сайтами и корпоративными крупными предприятиями, демонстрируя, что современные медиа-системы развиваются благодаря взаимным действиям между всеми вышеперечисленными¹⁵⁶. Автор демонстрирует, как различные типы средств массовой информации находят способ совместной работы, и что классификация СМИ на старые и новые является упрощенной. Таким образом, новая публичная дипломатия в контексте развития цифровых технологий расширяет возможности для участия граждан в политической коммуникации наряду со СМИ и профессиональными политиками¹⁵⁷.

Таким образом, автором были определены два ключевых подхода к изучению публичной дипломатии. Первый подход берет свое начало в определении Эдмунда Галлиона, который определяет «публичную дипломатию» как комплекс государственных и, возможно, поддерживаемых государством мероприятий, направленных на достижение целей внешней политики путем влияния на общественное мнение за рубежом. Согласно данному подходу, понятие "новой публичной дипломатии» отражено в концепции Дж. Ная. Второй подход изучает публичную дипломатию, опираясь на теорию связей с общественностью и массовых коммуникаций. Исследователи данного подхода отмечают, что трансформация коммуникационной среды сопровождается изменениями специфики публичной дипломатии и того, как она функционирует.

2.2 Понятие «цифровая дипломатия» в рамках теории публичной дипломатии

---

¹⁵⁶ Chadwick A. The hybrid media system: Politics and power. – Oxford University Press, 2017.

¹⁵⁷ Осієпка В. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies //European journal of communication. – 2018. – Т. 33. – №. 3. – С. 290-303.

К термину «новая публичная дипломатия» присоединяется термин «публичная дипломатия 2.0», обозначающий использование публичной дипломатии в новых онлайн-средствах массовой информации¹⁵⁸ и включающая следующие характеристики: 1) способность технологии способствовать созданию отношений вокруг социальных сетей и онлайн-сообществ; 2) зависимость публичной дипломатии 2.0 от пользовательского контента; 3) смысл технологии как фундаментально связанной с горизонтально расположенными сетями обмена (Веб 2.0)¹⁵⁹.

С развитием Интернета «публичная дипломатия» приобретает новые возможности и методы работы. Доступ к информации и способы ее распространения становятся разнообразными, доступными 24 часа в сутки. Кроме того, информация предназначенная для отечественной публики смешивается в безграничном информационном пространстве с информацией, предназначенной для иностранной аудитории. Интернет усиливает тенденцию к тому, что социальные антропологи определили как рост масштабов общества¹⁶⁰.

Цифровая дипломатия в рамках публичной дипломатии развивалась сначала посредством технологий «Веб 1.0» — вещания, трансляций, односторонней передачи информации. С появлением концепции Веб 2.0. возможными стали проявления активности самих пользователей: создание страниц, сайтов, блогов, рекламы. О концепции повествуется в статье Тима О'Рейли «Что такое Веб 2.0».¹⁶¹ При сравнении технологий Веб 1.0. и Веб 2.0., можно выделить помимо очевидной возможности интерактивного участия пользователей в создании контента, заметный сдвиг в концентрировании внимания с качества контента на факт его множественности. Одним из первых примеров «цифровой дипломатии» являются виртуальное посольство Швеции

---

¹⁵⁸ Cull N. J. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy //International Studies Review. – 2013. – Т. 15. – №. 1. – С. 123-139.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Westcott N. Digital diplomacy: The impact of the internet on international relations. – 2008.

¹⁶¹ О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 // Москва. – ООО «Журнал Компьютерра». – Выпуск No38 (610). – 2005 г. – С. 12-23

в Second Life, запущенное в 2007 году, и формирование американской команды по цифровым связям в 2006 году¹⁶².

Отметим, что Интернет объединяет и делает мгновенными информационные потоки, которые уже существуют. Другими словами важно разделять Интернет и контент, к которому получают доступ через Интернет. Развитие и распространение Интернета — это рыночное явление, то есть важная особенность сети Интернет — масштабируемость — позволила именно ей стать самой популярной сетью в мире, однако, Интернет принадлежит корпорациям, развивающим его. Таким образом, поставки Интернета и его качество обеспечиваются частным сектором. Это приводит к тому, что сегодня влияние Интернета и доступ к нему не является однородным не только на межгосударственном уровне, но и внутри определенной страны. Однако распространение IP-телефонии и развитие мобильных технологий заметно сокращают этот разрыв¹⁶³. Интернет как сеть сетей обладает некоторыми неотъемлемыми техническими свойствами, такими как интерактивность, открытость и потенциал равенства, которые поддаются размышлениям с точки зрения публичной сферы¹⁶⁴.

По мнению Николаса Уэсткотта, Интернет оказывает три фундаментальных воздействия на международные отношения¹⁶⁵: 1) Интернет умножает и увеличивает число голосов и интересов, участвующих в разработке международной политики; 2) это ускоряет и освобождает распространение информации, точной или нет, о любой проблеме или событии, которые могут повлиять на ее последствия и обработку; 3) это позволяет быстрее и экономичнее предоставлять традиционные дипломатические услуги как своим гражданам и правительству, так и гражданам других стран. Таким образом, Интернет «высвобождает» мнения и

---

¹⁶² Manor I. The digitalization of diplomacy: Toward clarification of a fractured terminology //Working Chapter. Exploring Digital Diplomacy. – 2017.

¹⁶³ Westcott N. Digital diplomacy: The impact of the internet on international relations. – 2008.

¹⁶⁴ Rauchfleisch A., Kovic M. The Internet and generalized functions of the public sphere: Transformative potentials from a comparative perspective //Social Media+ Society. – 2016. – Т. 2. – №. 2.

¹⁶⁵ Westcott N. Digital diplomacy: The impact of the internet on international relations. – 2008.

информацию. Мы также понимаем, что процесс принятия решений больше не является исключительной прерогативой государства. Возрастает важность тех, кто формирует мнения большинства, пересекая государственные границы.

В целом, на сегодняшний день ученые и практики предлагают различные термины для концептуализации растущего влияния цифровых технологий на дипломатию. Различные термины для обозначения того, как развитие информационно-коммуникационных технологий влияет на практику публичной дипломатии могут вызвать путаницу, если не разграничить виды публичной дипломатии в пространстве Интернет по области их действия. Среди различных терминов для концептуализации влияния цифровых технологий на дипломатию, отмечаются сетевая дипломатия, кибердипломатия, дипломатия 2.0, дипломатия в режиме реального времени и государственное управление 21 века¹⁶⁶. Об упорядочивании этих терминов повествует отчет Б. Хокинга и Д. Мейсена за 2015 год¹⁶⁷. Отметим также, что разница перечисленных определений существенна. На самом деле, сложность определения того, как концептуализировать влияние развития ИКТ на дипломатию существует и по сей день, однако, отмечаются признаки для их разделения.

В то время как МИД Израиля использует термин “цифровая дипломатия”, министерство Финляндии предлагает термин "дипломатия в цифровую эпоху". Последнее подразумевает, что дипломатическое поведение осталось аналогичным, но теперь оно практикуется в новых цифровых средах. Цифровая дипломатия, напротив, — это термин, который может означать совершенно новую форму дипломатии¹⁶⁸.

---

¹⁶⁶ Manor I. The digitalization of diplomacy: Toward clarification of a fractured terminology //Working Chapter. Exploring Digital Diplomacy. – 2017.

¹⁶⁷ Hocking, B., & Melissen, J. (2015). Diplomacy in the digital age. Clingendael, Netherlands Institute of International Relations.

¹⁶⁸ Manor I. The digitalization of diplomacy: Toward clarification of a fractured terminology //Working Chapter. Exploring Digital Diplomacy. – 2017.

Также, определяется, что термины «сетевая дипломатия» и «государственное управление 21 века» больше ориентированы на концептуализацию дипломатии в цифровом мире. Другие термины сосредоточены на характеристиках цифровых технологий. Примеры включают "публичную дипломатию 2.0", название которой происходит от концепции Веб 2.0; "сетевую дипломатию", которая в более широком смысле относится к Интернету, и "Твипломатию", которая является электронной формой публичной дипломатии, которая осуществляется путем использования социальной сети Твиттер^{169*} дипломатами, политиками и общественными деятелями. Некоторые термины даже фокусируются на атрибутах цифрового общества. К ним относятся "селфи-дипломатия" и "дипломатия в реальном времени". Наконец, такие термины, как «кибердипломатия», относятся к новым дипломатическим аренам¹⁷⁰.

Так, Илом Мэйноу в своей работе, проясняя разрозненную терминологию, предлагает практикам и ученым использовать термин «цифровизация дипломатии» применительно к влиянию цифровых технологий на дипломатию, подчеркивая, что этот термин более полно отражает влияние цифровых технологий на концептуализацию, практику и институты дипломатии¹⁷¹. Однако в данной работе мы будем апеллировать понятием «цифровая дипломатия», понимая под ним, в общем смысле, комплекс инструментов публичной дипломатии в сети Интернет.

Согласно двум подходам к изучению публичной дипломатии, обозначенных в предыдущем параграфе, ряд авторов отмечают в качестве субъектов цифровой дипломатии правительственные учреждения, работа которых направлена на достижение целей внешней политики путем влияния на общественное мнение за рубежом. Дж. Кэссиди и И. Мэнор в своей работе «Разработка стратегической коммуникационной политики МИД во время

---

¹⁶⁹ *Признано иностранным агентом в Российской Федерации

¹⁷⁰ Manor I. The digitalization of diplomacy: Toward clarification of a fractured terminology //Working Chapter. Exploring Digital Diplomacy. – 2017.

¹⁷¹ Там же.

политического кризиса»¹⁷² отмечают, что «цифровая дипломатия связана с использованием дипломатами множества информационных и коммуникационных технологий, начиная от электронной почты и заканчивая приложениями для смартфонов, приложениями для обмена сообщениями и сайтами социальных сетей» и что именно «распространение тактики социальных сетей, спонсируемой правительством, способствовало появлению науки, известной как цифровая дипломатия». Развитие социальных сетей породило новую конкурентную среду и потребовало от правительств участвовать в этой конкуренции, интерпретируя политические события, а также вступать в диалог, разрабатывая новые стратегии работы цифровой дипломатии на таких платформах как Twitter*, YouTube и т.д.¹⁷³. В данном случае речь идет о так называемой «опосредованной публичной дипломатии» так как для ее работы нужно иметь дело с совместно используемыми медиа-платформами. Для участников международного взаимодействия появление такой конкуренции требует своевременного развития новых стратегий цифровой дипломатии.

Для второго подхода к изучению публичной дипломатии, согласно которому последняя рассматривается как «диалогическая форма международной политической коммуникации, направленная на создание взаимовыгодных отношений с общественностью за рубежом для поддержки целей коммуникатора»¹⁷⁴ в новых технологических условиях, «коммутатором» может выступать любой желающий, т.е. частные лица активно являются участниками такого сетевого взаимодействия.

Рост популярности сети Интернет привел к увеличению числа действующих лиц в публичной дипломатии, которая ранее носила сугубо эксклюзивный характер. Субъекты такого взаимодействия участвуют в

---

¹⁷² Cassidy J., Manor I. Crafting strategic MFA communication policies during times of political crisis: A note to MFA policy makers //Global affairs. – 2016. – Т. 2. – №. 3. – С. 331-343.

¹⁷³ Golan G. J., Manor I., Arceneaux P. Mediated public diplomacy redefined: Foreign stakeholder engagement via paid, earned, shared, and owned media //American Behavioral Scientist. – 2019. – Т. 63. – №. 12. – С. 1665-1683.

¹⁷⁴ Оciepka B. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies //European journal of communication. – 2018. – Т. 33. – №. 3. – С. 290-303.

цифровой дипломатии часто объединившись в группы по интересам¹⁷⁵. Интересы группы, с которой себя идентифицируют пользователи, все чаще ставятся выше интересов государства — данное явление можно назвать логическим последствием процесса глобализации.

Таким образом, цифровая дипломатия требует от правительств проводить новую политику публичной дипломатии, принимая правила игры нового динамичного мира. И если одни исследователи определяют цифровую дипломатию как растущее использование информационных и коммуникационных технологий и платформ социальных сетей при проведении публичной дипломатии, то для ряда других исследователей цифровая дипломатия — это совершенно новая форма дипломатии¹⁷⁶.

2.3 Цифровая дипломатия как фактор политического активизма

Онлайн-коммуникацию часто противопоставляют классическим средствам массовой информации, потому что последние предлагают, по большей части, только односторонний поток информации. Интернет обладает потенциалом для общения "многие ко многим". В то время как, дипломатическая встреча «многие ко многим» возможна, если собраться в одном географическом месте¹⁷⁷. С распространением новых коммуникационных технологий государственная монополия на коммуникацию уступила место децентрализованному «сетевому обществу», организованному на основе коллективной идентичности¹⁷⁸. Интернет — это социальная сеть¹⁷⁹. В данном случае мы употребляем понятие «социальная

---

¹⁷⁵ Westcott N. Digital diplomacy: The impact of the internet on international relations. – 2008.

¹⁷⁶ What is Digital Diplomacy? [Электронный ресурс] / Exploring Digital Diplomacy / Режим доступа: <https://digdipblog.com/countries-on-twitter-and-facebook/> (дата обращения: 16.11.2021)

¹⁷⁷ Calhoun C. Populist politics, communications media and large scale societal integration // Sociological theory. – 1988. – С. 219-241.

¹⁷⁸ Castells M. The Power of Identity. West Sussex: Willey. – 2010.

¹⁷⁹ Rauchfleisch, A., & Kovic, M. (2016). The Internet and generalized functions of the public sphere: Transformative potentials from a comparative perspective. *Social Media+ Society*, 2(2), 2056305116646393.

сеть» не в смысле интернет-приложения, которое позволяет создавать контент и обмениваться им¹⁸⁰, а в смысле острой формы взаимодействия между пользователями, которые являются не просто пассивной аудиторией, а активными и взаимосвязанными агентами.

Как было отмечено, состояние терминологии раздроблено в отношении определения цифровой дипломатии. Мы же понимаем под цифровой дипломатией, в общем смысле, особую форму публичной дипломатии, проведение которой предполагает растущее использование информационно-коммуникационных технологий и платформ социальных сетей. Риски цифровой дипломатии по-прежнему покрываются преимуществами, что делает цифровую дипломатию ключевым элементом для осуществления дипломатической деятельности. Цифровизация влияет на социальные нормы и ценности, и цифровой общество — это общество обмена информацией. Пользователи сети делятся своими мыслями, идеями и высказываниями в Интернете. Цифровизация привела к появлению самоуверенной онлайн-общественности, которая «требуется, чтобы ее услышали»¹⁸¹.

Появление платформ социальных сетей привело к тому, что люди приняли норму подключения, поскольку тот, кто не подключен, остается вне сферы социальной и профессиональной жизни¹⁸². Подобное «включенное» социальное и профессиональное поведение заключается в поиске страниц сайтов, обмене информацией, просмотре новостных лент. Все эти действия, с каждым днем становятся все обыденными, что приводит к тому, что сегодня концептуально люди рассматривают онлайн-среду как продолжение оффлайн-среды. Если раньше анонимность и некоторая «нереальность» Интернета сохраняла способность различать реальную и онлайн-личность, то в настоящее время с развитием технологий, это происходит все реже.

---

¹⁸⁰ Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media //Business horizons. – 2010. – Т. 53. – №. 1. – С. 59-68.

¹⁸¹ Manor I. The digitalization of diplomacy: Toward clarification of a fractured terminology //Working Chapter. Exploring Digital Diplomacy. – 2017.

¹⁸² Там же.

Государственные структуры, в том числе дипломатические организации также способствуют тому, что человек в Интернете является все более реальным, является своим продолжением из оффлайн-среды. Также, «норма подключения и процедура поиска новостей в Интернете повлияли на дипломатические учреждения, которые используют онлайн-платформы для предоставления услуг и информации своим гражданам»¹⁸³.

Для социальной и политической активности граждан, таким образом, все большее влияние приобретает развитие информационно-коммуникационных технологий. В формировании отношений между правительствами стран, политиками, гражданами и другими социальными субъектами большую роль играют социальные сети, платформы быстрого обмена информацией в Интернете. Информация, поступившая в новостную ленту платформы социальной сети распространяется с огромной скоростью, порой вовлекая тысячи людей в дискурс описываемых событий.

Онлайн-сообщество — это еще и большая активистская сила. За короткое время возможно сформировать социальное усилие или действие с десятками тысяч участников. Отметим, что под политическим активизмом мы понимаем принадлежность к коллективной идентичности, демократическому пространству или политической стратегии с активной позицией, со стремлением к действию и принятию политических решений. Как было отмечено выше: концептуально люди рассматривают онлайн-среду как продолжение оффлайн-среды. Также, пространственная структура Интернета позволяет онлайн-пользователям объединять мир реального физического протеста, в частности, рассматриваемую нами, «уличную политику» и виртуальное пространство. Политическими активистами Интернет был включен в свой репертуар. В целом, это изменило то, что считается активизмом, и что является политической активностью, как принадлежностью к некоему сообществу¹⁸⁴. Исследование онлайн-активизма

---

¹⁸³ Manor I. The digitalization of diplomacy: Toward clarification of a fractured terminology //Working Chapter. Exploring Digital Diplomacy. – 2017.

¹⁸⁴ McCaughey M., Ayers M. D. (ed.). Cyberactivism: Online activism in theory and practice. – Routledge, 2013.

рассматривает вопросы о политической организации, социальных изменениях в обществе, новых форм активности, в том числе протестной¹⁸⁵.

Выделяя, определение того, что Интернет — это социальная сеть¹⁸⁶, отметим, что протест — это в некоторой степени тоже сеть, связанных между собой людей. В данном случае люди связаны между собой общей идеей, целью, общими стремлениями к выражению своего голоса. В таком контексте Интернет стал для социальной активности одним из самых полезных инструментов, что кажется вполне очевидным¹⁸⁷. Интернет выступает не причиной изменений, возникших благодаря стремлениям людей к прогрессивным социальным изменениям, Интернет является скорее средством для достижения этих изменений¹⁸⁸. «Киберактивизм, пересекая дисциплины, смешивает теории с практическими подходами активистов, предоставляет широкий спектр онлайн-активистских стратегий, среди которых: онлайн-кампаний по повышению осведомленности, передаваемые в социальных сетях сообщения»¹⁸⁹.

Группы активистов, или тех, кто своим стремлениям к изменениям в обществе основывали социальные движения, исторически включали в свой репертуар новые технологии. Однако Интернет — это качественно новый инструмент, новая медийная интерактивная технология. Как было отмечено, в пространстве Интернет каждый сам может стать создателем контента. Политиками и дипломатами также используется Интернет для выражения того дискурса, который поможет им продвинуть какие-либо свои политические интересы. Считается, что активность в сети не является причиной революции, но служит распространенным средством расширения прав и возможностей¹⁹⁰.

---

¹⁸⁵ McCaughey M., Ayers M. D. (ed.). *Cyberactivism: Online activism in theory and practice*. – Routledge, 2013.

¹⁸⁶ Rauchfleisch, A., & Kovic, M. (2016). The Internet and generalized functions of the public sphere: Transformative potentials from a comparative perspective. *Social Media+ Society*, 2(2), 2056305116646393.

¹⁸⁷ Gurak L. J., Logie J. Internet protests, from text to web // *Cyberactivism*. – Routledge, 2013. – С. 35-56.

¹⁸⁸ McCaughey M., Ayers M. D. (ed.). *Cyberactivism: Online activism in theory and practice*. – Routledge, 2013.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Khamis S., Vaughn K. 'We Are All Khaled Said': The potentials and limitations of cyberactivism in triggering public mobilization and promoting political change // *Journal of Arab & Muslim Media Research*. – 2012. – Т. 4. – №. 2-3. – С. 145-163.

Интернет, таким образом, предоставляет большее количество стратегий для политической активности. Сандор Вег¹⁹¹ предлагает классификацию политической активности с использованием Интернета. Согласно его классификации типы киберактивизма можно разделить на три общие области¹⁹²: 1) информационно-пропагандистская, 2) организационно-мобилизирующая, 3) область реакционных действий (хактивизм). При этом, отметим, что онлайн активисты либо расширили свои стратегии благодаря Интернету (например, открыв новые каналы политической осведомленности), либо основали свою активность полностью на современных технологиях (взлом веб-сайтов организаций, против которых ведется борьба)¹⁹³. Ряд исследователей¹⁹⁴ отмечает, что онлайн-технологии поддерживают различные фазы протеста для активистов: 1) повышение осведомленности; 2) мобилизация и координация протестных действий; 3) укрепление позиций и формирование консенсуса. При этом, пользователи социальных сетей формируют собственную коллективную идентичность, которая связывает их вместе¹⁹⁵.

Интернет является альтернативным источником со множеством мнений, транслируемых отдельными лицами и независимыми организациями, фокусируясь на проблемах, которые, скорее всего, не обсуждаются в «главной» публичной сфере. Политика цифровой дипломатии предполагает использование Интернета в качестве инструмента для достижения политической цели, для проявления политической активности. Интернет может быть использован как для призыва к автономным действиям, онлайн-активностям, так и для призыва перенести протестное поле в уличное пространство.

---

¹⁹¹ Vegh S. Classifying forms of online activism: The case of cyberprotests against the World Bank //Cyberactivism. – Routledge, 2013. – С. 81-106.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Khamis S., Vaughn K. 'We Are All Khaled Said': The potentials and limitations of cyberactivism in triggering public mobilization and promoting political change //Journal of Arab & Muslim Media Research. – 2012. – Т. 4. – №. 2-3. – С. 145-163.

¹⁹⁵ Van Dijck J., Poell T. Social media and the transformation of public space //Social Media+ Society. – 2015. – Т. 1. – №. 2.

Динамика коллективных действий определяется как политикой социальных платформ, так и намерением их пользователей достичь политической цели¹⁹⁶. Социальные платформы обладают собственными интересами и являются активным субъектом политической коммуникации. Значимость уличных протестов в медийном дискурсе, достигая критического количества участников, продолжает расти за счет своевременного транслирования происходящего в СМИ. Даже после того, как протест был официально подавлен или исчерпал себя, может набирать обороты благодаря частым повторениям средствами массовой информации¹⁹⁷.

В контексте цифровой дипломатии, с распространением Интернета доступ к информации, предназначенной для отечественной публики смешивается в информационном пространстве с контентом, предназначенным для иностранной аудитории. Цифровая дипломатия в отличие от публичной дипломатии теряет управляемость и не гарантирует сохранения контроля над собой. Аудитория по всему миру сталкивается с возможностью исследовать и участвовать в поддержке позиций по различным проблемам из-за бурного развития информационных технологий и инфраструктуры связи, что создает возможность для широкой гражданской активности¹⁹⁸.

Растущее использование информационных и коммуникационных технологий и платформ социальных сетей при проведении публичной дипломатии делает возможными и доступными высказывания в адрес большой аудитории. По сути, оперативность, интерактивность и открытость, доступность информации социальных платформ позволили политикам и дипломатам обозначать свою точку зрения по тому или иному поводу в достаточно неформальной форме и перед лицом огромного числа пользователей сети Интернет. Рост числа действующих лиц в публичной

---

¹⁹⁶ Van Dijck J., Poell T. Social media and the transformation of public space //Social Media+ Society. – 2015. – Т. 1. – №. 2.

¹⁹⁷ Nara A. et al. The opportunities and challenges with social media and big data for research in human dynamics //Human Dynamics Research in Smart and Connected Communities. – Springer, Cham, 2018. – С. 223-234.

¹⁹⁸ Gurgu E., Cociuban A. D. New public diplomacy and its effects on international level //Journal of Economic Development, Environment and People. – 2016. – Т. 5. – №. 3. – С. 46-56.

дипломатии коррелирует с темпами распространения сети Интернет. Пользователи по всему миру являются аудиторией для дебатов между политиками, для острых замечаний, для новостных оповещений, которые имеют потенциал стать тем небольшим триггером, благодаря которому и рождается «уличная политика».

Таким образом, Интернет является пространством сетевой организации, способным обеспечить гражданам техническую и моральную поддержку, распространить контент, а также побудить к активным политическим действиям. Проведение политики цифровой дипломатии в контексте Интернета и гражданской онлайн-активности подразумевает некоторую потерю контроля над результатами такой политики. Действительно, платформы социальных сетей сделали публичную сферу не только более открытой, но и более массовой, предоставив политическим субъектам доступ к мировой аудитории, а онлайн-активистам — объединять мир реального физического протеста и виртуальное пространство.

Глава 3. Практическое применение политики цифровой дипломатии в контексте уличного протеста

3.1 Мировой опыт политики цифровой дипломатии

Рассмотрение конкретных кейсов мирового опыта цифровой дипломатии позволит не только обозначить тенденции возникновения современных общественных движений, но и рассмотреть особенности развития уличного протеста в обществе онлайн-коммуникаций. Предпосылками возникновения поля взаимодействия пространства сетевой организации и «уличной политики» считается время, когда принцип работы технологии сети Интернет стал беспроводным, и вместе с тем стремительно развивались технологии IP-телефонии.

Как уже было отмечено, Интернет обладает потенциалом для общения "многие – ко многим", кроме того, стала возможна модель «многие государства – ко многим гражданам – многих стран». С распространением новых коммуникационных технологий мобилизационные возможности протестной активности выросли. Государственная монополия на коммуникацию уступила место децентрализованному “сетевому обществу”, организованному на основе коллективной идентичности¹⁹⁹, в то же время цифровая дипломатия проводится преимущественно государственными органами, такими как Министерство иностранных дел или Государственный департамент. В настоящем параграфе авторами будут рассмотрены кейсы «уличной политики», фактором которой будет обозначена политика цифровой дипломатии Российской Федерации и США на примере соответственно: протестных акций, включающих штурм Капитолия США в январе 2021 года и общественного движения «Желтые жилеты».

Для анализа мирового опыта «уличной политики» данные кейсы подходят по ряду причин. Протест, ставший сетью связанных между собой людей, не подразумевал организацию уличного пространства с поддержкой

---

¹⁹⁹ Castells M. The Power of Identity. West Sussex: Willey. – 2010.

идеологизированных групп, движений и партий. Протест был организован вокруг частных проблем, а также был актуализирован конкретным триггером и сопровождался требованиями решения частных вопросов, вытесненных из общего дискурса «главной» публичной сферы.

События, произошедшие в городе Вашингтон в январе 2021 года, по мнению некоторых исследователей, «потрясли основы американской демократии»²⁰⁰. 6 января 2021 года после митинга, который начался как массовый протест у здания Капитолия США, тысячи людей взяли штурмом правительственное здание, продемонстрировав тем самым презрение к демократическим институтам. По мнению ряда исследователей^{201 202} такое презрение к существующим и показавшим свою работоспособность институтам с последующим инцидентом стало возможным благодаря подстрекательству в речи 45-го президента США Дональда Трампа. Также, ряд журналистов и политиков отмечают^{203 204 205}: беспорядки были спровоцированы комментариями, сделанными Трампом и его помощниками как на митинге, так и в сети Интернет. Его видео длительностью 71 минуту под названием «Спасем Америку»²⁰⁶ спровоцировала последовавшую за этим реакцию отдельной группы граждан, которые в своем протесте пытаются донести свои частные проблемы до элиты и до тех, кем они были исключены, по их мнению, из круга политических субъектов, влияющих своим голосом на будущее страны. Участники протеста были не согласно с официальными

---

²⁰⁰ E. R. Norman Note from the Editor: Storming the Capitol, Political Irresponsibility, and Questions for Democracy // – World Affairs Volume 184, Issue 1 – 2021, P. 4-7

²⁰¹ Chaggaris Steve “Whether Trump ‘Incited’ Capitol Riot is in Eye of the Beholder.” [Электронный ресурс] / *Aljazeera* / <https://www.aljazeera.com/news/2021/1/11/whether-trump-incited-capitol-riot-is-in-eye-of-the-beholder> (дата обращения: 10.03.2022)

²⁰² Savage C. Incitement to riot? What Trump told supporters before mob stormed Capitol //New York Times. – 2021. – Т. 10.

²⁰³ Capitol siege: Trump's words 'directly led' to violence, Patel says [Электронный ресурс] / BBC NEWS / <https://www.bbc.com/news/uk-politics-55571482> (дата обращения: 15.01.2022)

²⁰⁴ Incited by the President, Pro-Trump Rioters Violently Storm the Capitol [Электронный ресурс] / Time / <https://time.com/5926883/trump-supporters-storm-capitol/> (дата обращения: 15.01.2022)

²⁰⁵ This is what Trump told supporters before many stormed Capitol Hill [Электронный ресурс] / abc news / <https://abcnews.go.com/Politics/trump-told-supporters-stormed-capitol-hill/story?id=75110558> (дата обращения: 15.01.2022)

²⁰⁶ Donald Trump Speech “Save America” Rally Transcript January 6 [Электронный ресурс] / Rev / <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-speech-save-america-rally-transcript-january-6> (дата обращения: 18.01.2022)

результатами выборов на пост президента США. По мнению же исследователей, Дональд Трамп «является высокоопосредованным ультраправым политиком, который не может выжить политически, не имея в своем распоряжении сетевых коммуникационных технологий»²⁰⁷.

Митинг у стен Капитолия был проведен в день проведения совместной сессии Конгресса, собравшуюся для подсчета голосов и официального оформления победы Джо Байдена. Митинг перерос в вооруженное столкновение, в результате которого были жертвы. Штурм привел к эвакуации здания и стал беспрецедентным событием в истории США. «Самым шокирующим было то, что это наш собственный президент направил нападение на наш Конгресс, и это не имеет прецедентов в истории США и на удивление мало в мировой истории»²⁰⁸. Проведение митинга «Остановите воровство» было предложено Дональдом Трампом и его союзниками. В первом «твите» с призывом за 18 декабря 2020 года Дональд Трамп написал «Be there, will be wild!», что означает быть «Будь там, будет дико»²⁰⁹. Призыв принять участие во встрече стал вирусным среди подписчиков Трампа в социальных сетях²¹⁰.

После того, как толпа ворвалась в Капитолий, официально избранный президент Джо Байден обратился к стране по видеосвязи. Он призвал президента Трампа потребовать от толпы покинуть здание. Позже в тот же день президент Трамп выступил с видеообращением, в котором призвал своих сторонников разойтись по домам, продолжая при этом заявлять о фальсификации выборов. После этого видеообращения Twitter* отключил доступ к странице Дональда Трампа, на тот момент действующего президента,

---

²⁰⁷ Fuchs C. How did Donald Trump incite a coup attempt? //TripleC: Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society. – 2021. – Т. 19. – №. 1. – С. 246-251.

²⁰⁸ UNC Expert: The Capitol Riot and its Lasting Impacts [Электронный ресурс] / University of Northern Colorado / <https://www.unco.edu/news/articles/unc-expert-capitol-riot-lasting-impacts.aspx> (дата обращения: 15.01.2022)

²⁰⁹ Fuchs C. How did Donald Trump incite a coup attempt? //TripleC: Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society. – 2021. – Т. 19. – №. 1. – С. 246-251.

²¹⁰ Barry D., McIntire M., Rosenberg M. Our president wants us here?: The mob that stormed the Capitol //The New York Times. – 2021. – Т. 9.

чтобы «предотвратить ложные заявления и дальнейшую эскалацию насилия»²¹¹.

Основной посыл, который донесла речь Дональда Трампа до участников митинга, заключался в том, что результат выборов было незаконным, и поэтому они должны были бороться²¹². При этом, толпа, которая брала штурмом Капитолий не была организованной, однако, достаточно сплоченной²¹³. Согласно проведенному среди американцев опросу²¹⁴, демократы (93%) в подавляющем большинстве воспринимают эти действия как угрозу демократии. Однако среди республиканцев только четверть (27%) считают, что это следует рассматривать как угрозу демократии, а две трети (68%) говорят иначе. Государственный департамент США в своих публикациях отмечает, что имидж США на фоне события, сопровождавшегося штурмом Капитолия, значительно упал за последний год²¹⁵.

В официальной публикации Государственного департамента США по вопросу, который касается штурма Капитолия, отмечается: «и в более широком смысле американцы становятся все более поляризованными, и институты, которые существуют для того, чтобы помогать нам справляться с нашими разногласиями, чтобы наша демократия могла продолжать функционировать, находятся под угрозой»²¹⁶. Несмотря на то, что многие исследователи отмечают, что штурм Капитолия стал беспрецедентным случаем позора демократии²¹⁷, политика цифровой дипломатии

---

²¹¹ Wat je moet weten over de bestorming van het Capitool Hill [Электронный ресурс] / de Volkskrant / <https://www.volkskrant.nl/nieuws-achtergrond/wat-je-moet-weten-over-de-bestorming-van-het-capitool-b19d6838/> (дата обращения: 17.01.2022)

²¹² Fuchs C. How did Donald Trump incite a coup attempt? //TripleC: Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society. – 2021. – Т. 19. – №. 1. – С. 246-251.

²¹³ More than a mob: Parler as preparatory media for the Capitol storming [Электронный ресурс] / Peer-reviewed journal on the internet / <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/11574/10077> (дата обращения: 19.01.2022)

²¹⁴ Smith M., Ballard J., Sanders L. Most voters say the events at the US Capitol are a threat to democracy //YouGov Politics & Current Affairs. January. – 2021. – Т. 6.

²¹⁵ ACPD Official Meeting Minutes: June 17, 2021 / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/acpd-official-meeting-minutes-june-17-2021/> (дата обращения: 19.01.2022)

²¹⁶ A Foreign Policy for the American People [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people/> (дата обращения: 19.01.2022)

²¹⁷ Fuchs C. How did Donald Trump incite a coup attempt? //TripleC: Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society. – 2021. – Т. 19. – №. 1. – С. 246-251.

Государственного департамента США направлена на то, чтобы предподнести данный кейс как урок, на основе которого, можно избежать множество ошибок в будущем. Можно наблюдать признание того, что демократия хрупка, и что важно принять произошедшее в январе 2021 года как вызов, как то, «на чем будет основана легитимность США в защите демократии во всем мире на долгие годы»²¹⁸. Еще одним важным пунктом в послании отмечается заявление о передачи опыта другим странам во всем мире: «так что вопрос не в том, будем ли мы поддерживать демократию во всем мире, а в том, как. Мы будем использовать силу нашего примера. Мы будем призывать других проводить ключевые реформы, отменять плохие законы, бороться с коррупцией и пресекать несправедливые действия. Мы будем стимулировать демократическое поведение»²¹⁹.

Для анализа цифровой дипломатии рассмотрим политику субъектов цифровой дипломатии: официальных российских медиа, целевой аудиторией которой являются граждане иностранных государств, а также заявления официальных представителей МИД России. Russia Today — телеканал, который в настоящем анализе представляется субъектом цифровой дипломатии, так как данное СМИ направлена на аудиторию по всему миру. В публикации от 18 декабря 2019²²⁰ года отмечается заявление о том, что «демократы пытаются отобрать голоса избирателей», а также о том, что «демократы контролируют повествования в СМИ».

В заявлении официального представителя Министерства иностранных дел России Марии Захаровой по поводу протестов в США, сопровождавшихся штурмом Капитолия, мы можем отметить придание протесту легитимности, утверждение о том, что данные протесты отражают положение дел в США и не входят, таким образом, в интересы других государств: «Захарова поделилась своим мнением по поводу причин произошедшего: она напомнила,

---

²¹⁸ A Foreign Policy for the American People [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people/> (дата обращения: 19.01.2022)

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Democrats' push to impeach Trump is just the latest chapter of US Civil War 2.0 / Russia Today / Режим доступа: <https://www.rt.com/op-ed/476183-impeachment-vote-trump-democrats/> (дата обращения: 19.01.2022)

что электоральная система Соединенных Штатов архаична и не отвечает современным требованиям, а СМИ активно используются в политической борьбе. Все это вызвало тот раскол общества, который наблюдается в США, считает дипломат»²²¹. В настоящем заявлении акцентируется внимание на том, что именно система, которая сложилась в США, несовершенна. Таким образом настоящему протесту придается легитимность, а также отрицается причастность иностранных «агентов» и заинтересованных лиц в росте протестных настроений. Оправдание протестов официальными ведомствами других государств также может служить проявлением косвенной поддержки движения, а также попыткой ее потенциальной эскалации. Через публикации официальных медиа за рубежом, заявления представителей МИД осуществляется политика цифровой дипломатии.

Главное отличие движения «Желтых жилетов» от предшествующих протестных движений Франции, в том, что оно создавалось исключительно посредством социальных сетей. Движение «Желтых жилетов» является примером «уличной политики»: данного общественное движение не обладает иерархической структурой с заранее установленными рамками, оно было порождено частным триггером и добивалось обсуждения частных проблем в публичной сфере, отказавшись от представительства. Частным триггером, который послужил толчком к проведению первых протестных акций в 2018 году был факт повышения цен на топливо²²². Общественное движение меняло свои требования в соответствии с частной проблемой, которая имела место быть в контрпубличной сфере: с 5 декабря 2019 года в Париже проходили новые протесты с участием «Желтых жилетов», связанные с проведением пенсионной реформы²²³. Лидеры были временными, и скорее выполняли роль

---

²²¹ МИД России отреагировал на штурм Капитолия в США [Электронный ресурс] / Lenta.ru /Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2021/01/07/vnutrennee/> (дата обращения: 29.11.2021).

²²² Les quatre saisons des jaunes [Электронный ресурс] / Libération. Режим доступа: https://www.liberation.fr/france/2019/11/17/les-quatre-saisons-des-gilets-jaunes_1763573 (дата обращения: 29.04.2021).

²²³ Gilets jaunes: après la grève du 5 décembre, Macron doit-il vraiment s'inquiéter pour le 7? [Электронный ресурс] / Le Parisien. Режим доступа: <http://www.leparisien.fr/economie/gilets-jaunes-apres-la-greve-du-5-decembre-macron-doit-il-vraiment-s-inquieter-pour-le-7-02-12-2019-8207637.php> (дата обращения: 29.04.2020).

координаторов, чем вдохновителей²²⁴. Координация участников протеста происходила через социальные сети, при этом процедура принятия решений проводилась в формате голосования в социальной сети — это свойственно для такого рода движений²²⁵.

Движение «Желтые жилеты» признается одним из самых заметных политических явлений современной Франции. Популярность «Желтых жилетов» выходит за границы Франции, однако, ссылаясь на публикации Министерства иностранных дел Франции, стоит отметить, что цифровая дипломатия может носить негативный характер²²⁶, и даже ставить под угрозу дипломатические отношения двух стран. В следующей публикации Министерства иностранных дел Франции также отмечается отрицание положительного опыта борьбы с общественным движением: «последовательные решения о повышении налогов на ископаемое топливо и инициировании пенсионной реформы привели, среди прочего, к крупным забастовочным движениям («желтые жилеты»), которые почти парализовали город»²²⁷.

В социальных сетях официальные страницы ведомств внешней политики стран публикуют оповещения о предстоящих протестах. Так, Государственный департамент США публикует в социальной сети оповещение о протестах «Желтых жилетов»²²⁸. Министерство иностранных дел Франции также заявляет о возможной причастности сторонних государств

---

²²⁴ Pourquoi les mouvements de contestation peinent-ils à faire émerger des leaders? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.franceculture.fr/emissions/le-billet-politique/le-billet-politique-du-lundi-18-novembre-2019> (дата обращения: 28.02.2022).

²²⁵ Les réseaux sociaux, outils de révolte à double tranchant [Электронный ресурс] / La Revue des medias. Режим доступа: <https://larevedesmedias.ina.fr/les-reseaux-sociaux-outils-de-revolte-double-tranchant> (дата обращения: 27.04.2021).

²²⁶ Italie – Q&R – Extrait du point de presse (6 février 2019) [Электронный ресурс] / Ministère des affaires étrangères / Режим доступа: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/italie/evenements/article/italie-q-r-extrait-du-point-de-presse-06-02-19> (дата обращения: 29.01.2022).

²²⁷ «Paris transformative»: l'espace urbain parisien comme lieu de transformations / Ministère des affaires étrangères / Режим доступа: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/diplomatie-scientifique-et-universitaire/veille-scientifique-et-technologique/autriche/article/paris-transformatif-l-espace-urbain-parisien-comme-lieu-de-transformations> (дата обращения: 29.01.2022).

²²⁸ Публикация Travel-State Dept [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://twitter.com/travelgov/status/1065998484317319171?lang=bg> дата обращения: 29.01.2022).

на общественные протесты движения «Желтые жилеты» в стране²²⁹, и о причастности России²³⁰. В настоящих публикациях российского СМИ отрицается влияние «российской пропаганды» на уличные протесты в стране, производится попытка смещения ответственности через ответные заявления.

«Тяжелая история расизма в Америке и жестокости полиции в отношении чернокожих американцев, в частности, была в центре внимания мирового сообщества с тех пор, как в 2013 году возникло движение Black Lives Matter»²³¹. Общественное движение «Black Lives Matter» началось в 2013 году с использования в социальных сетях хештега #BlackLivesMatter в защиту афроамериканского населения США от расизма и насилия, в частности со стороны сотрудников полиции. Массовое общественное движение началось как реакция социальных сетей на информацию об оправдании Джорджа Циммермана, который обвинялся в убийстве несовершеннолетнего афроамериканца Трейвона Мартина²³². Движение «Black Lives Matter» зародилось в Твиттере, когда Патрис Каллорс, Алисия Гарза и Опал Томети создали #BlackLivesMatter, чтобы выразить свое горе и возмущение оправдательным приговором.

Более масштабным движение стало в 2014 на фоне гибели ряда афроамериканцев. Эти протесты привели к заметному росту общественной поддержки движения наряду с призывами к значительным реформам системы уголовного правосудия, включая: сокращение финансирования полицейских управлений, демилитаризацию и упразднение полиции. Однако массовость

---

²²⁹ «Русский след»: верят ли парижане во вмешательство Москвы в протесты «жёлтых жилетов» / Russia Today / Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/video/584340-parizhane-bbc-rossiya-protesty-franciya> (дата обращения: 20.11.2021)

²³⁰ «Вполне логично»: как BBC объяснила поиски «российского следа» в протестах во Франции / Russia Today / Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/584219-bbc-poisk-rossiiskii-sled-franciya> (дата обращения: 18.01.2022)

²³¹ Global Black Lives Matter: Addressing America's Legacy of Racism through a New Public Diplomacy [Электронный ресурс] / Yale Journal of International Affairs / Режим доступа: <https://www.yalejournal.org/publications/global-black-lives-matter-addressing-americas-legacy-of-racism-through-a-new-public-diplomacy> (дата обращения: 20.02.2022)

²³² Holt L. F., Sweitzer M. D. More than a black and white issue: Ethnic identity, social dominance orientation, and support for the black lives matter movement //Self and Identity. – 2020. – Т. 19. – №. 1. – С. 16-31.

движения проявилась уже в конце мая 2020 года. Отмечается²³³, что предположительно данные протесты стали самыми массовыми в истории США, задействовав порядка 15-20 миллионов человек. Большинство протестов в рамках движения «Black Lives Matter» носили мирный характер.

«Black Lives Matter» является децентрализованным, выросшим из определенного триггера движением, приобретшим огромную популярность. Среди условий политико-экономической среды, которые благоприятствовали росту популярности движения, некоторые исследователи²³⁴ отмечают: растущее этнорасовое неравенство, жестокость полиции и расизм в условиях социально поляризующих последствий экономического кризиса 2008 года. Важным фактором является принятие движением «Black Lives Matter» децентрализованной организационной структуры. Децентрализованная структура протеста облегчает объединение и мобилизацию широких слоев общества на основе свободных коалиционных стратегий, реализуемых через социальные сети²³⁵. Волна протестов вновь вспыхнула в 2020 году, став крупнейшим общественным движением в истории США²³⁶. Убийство Джорджа Флойда в 2020 году и последующее насильственное подавление мирных протестов — в контексте плохо управляемой реакции на пандемию — еще больше нанесли ущерб мировой репутации США²³⁷.

Важными особенностями движения BLM являются сильно мотивирующие лозунги, ставшие известными на весь мир, символы, которые стали узнаваемыми и те способы коллективных действий, которые «несут символическую ценность, апеллируют к массовым эмоциям и учитывают существующие политические возможности»²³⁸.

---

²³³ Buchanan L., Bui Q., Patel J. K. Black Lives Matter may be the largest movement in US history //The New York Times. – 2020. – Т. 3.

²³⁴ Gürcan E. C., Donduran C. The formation and development of the black lives matter movement: a political process perspective //Siyasal: Journal of Political Sciences. – 2021. – Т. 30. – №. 1. – С. 151-167.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Buchanan L., Bui Q., Patel J. K. Black Lives Matter may be the largest movement in US history //The New York Times. – 2020. – Т. 3.

²³⁷ Kanno-Youngs Z., Benner K. Trump Deploys the Full Might of Federal Law Enforcement to Crush Protests //The New York Times, June. – 2020. – Т. 2. – С. 2020.

²³⁸ Gürcan E. C., Donduran C. The formation and development of the black lives matter movement: a political process perspective //Siyasal: Journal of Political Sciences. – 2021. – Т. 30. – №. 1. – С. 151-167.

Это движение сопровождалось ростом крайне правых движений, расизма и расовых расстрелов полицией в эпоху Трампа (2017-2021). Движение «Black Lives Matter» — это проблема гражданских прав, когда мнения разделяются по расовому признаку²³⁹. Некоторые исследователи задавались вопросом того, как именно американское общество оказалось разделено на два лагеря. Так, например, результаты исследований Л. Холта и М. Свитцер²⁴⁰ показывают, что этническая идентичность предсказывает отношение афроамериканцев к BLM, но плохо предсказывает убеждения белых американцев. И наоборот, ориентация на социальное доминирование лучше предсказывает мнение белых американцев о BLM, но не ассоциируется с отношением к BLM среди афроамериканцев. Взаимодействие этих конструкций среди белых американских респондентов предполагает, что, когда белые американцы обсуждают расовые проблемы, влияние социального доминирования сводится на нет, что приводит к положительным оценкам BLM²⁴¹. Эти процессы имеют последствия для коммуникации по расовым вопросам. Частный триггер (оправдание полицейского) спровоцировал массовость движения, так как предполагается, что увеличение числа активистов влечет за собой некий «снежный ком» еще большего числа участников протеста. В современных условиях новые общественные движения делают больший акцент на программах, основанных на образе жизни и проблемах, таких как защита окружающей среды, гендерный активизм, антирасизм и пропаганда мира²⁴².

Ряд исследователей²⁴³ отмечают, что BLM успешно использовала акции протеста, оказалось движением действительно значимым, чтобы вызвать долгосрочные изменения в том, как американцы обсуждают расовое

---

²³⁹ Holt L. F., Sweitzer M. D. More than a black and white issue: Ethnic identity, social dominance orientation, and support for the black lives matter movement // *Self and Identity*. – 2020. – Т. 19. – №. 1. – С. 16-31.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. – Verso Books, 2014. – Т. 8.

²⁴³ Black Lives Matter protests shift public discourse [Электронный ресурс] / PNAS / Режим доступа: <https://www.pnas.org/doi/abs/10.1073/pnas.2117320119> (дата обращения: 10.03.2022)

неравенство. А. Тиллери в своей работе отмечает, что «активисты BLM генерировали больше твитов, которые представляли движение как борьбу за права личности, чем тех твитов, которые использовали фреймы о гендерной, расовой и ЛГБТ идентичности»²⁴⁴. В целом проведенное автором исследование позволяет утверждать что, понятно как с точки зрения мобилизации ресурсов, так и с точки зрения новых парадигм социального движения. Общественное движение BLM, ставшее в последующем движением массового протеста действительно является децентрализованным протестом вне институциональной структуры. По мнению некоторых исследователей тема расизма и сопоствующие ей вопросы расовой дискриминации испортили общественный имидж США на мировой арене²⁴⁵.

Государственный секретарь Дин Раск в своем выступлении, выделенном в бюллетене Государственного департамента США, в 1963 году отмечал: « ... при нынешнем положении дел расовая дискриминация здесь, дома, оказывает серьезное влияние на наши международные отношения. Это не потому, что такая дискриминация уникальна для Соединенных Штатов. Дискриминация по признаку расы, цвета кожи, религии, национального или племенного происхождения встречается во многих странах. Но Соединенные Штаты повсеместно считаются домом демократии и лидером борьбы за свободу, за права человека и человеческое достоинство»²⁴⁶.

Сегодня, как показывает распространение движения «Black Lives Matter», инициативы цифровой дипломатии, которые признают прошлую расовую травму Америки и охватывают внутренние движения за социальное равенство, служат маяком для сообществ во всем мире, борющихся против

---

²⁴⁴ Tillery A. B. What kind of movement is Black Lives Matter? The view from Twitter //Journal of Race, Ethnicity, and Politics. – 2019. – Т. 4. – №. 2. – С. 297-323.

²⁴⁵ Global Black Lives Matter: Addressing America's Legacy of Racism through a New Public Diplomacy [Электронный ресурс] / Yale Journal of International Affairs / Режим доступа: <https://www.yalejournal.org/publications/global-black-lives-matter-addressing-americas-legacy-of-racism-through-a-new-public-diplomacy> (дата обращения: 20.02.2022)

²⁴⁶ How embracing rights movements enhances public diplomacy and U.S. foreign policy [Электронный ресурс] / CPD Blog / Режим доступа: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/how-embracing-rights-movements-enhances-public-diplomacy-and-us-foreign-policy> (дата обращения: 20.02.2022)

дискриминации по расовому признаку²⁴⁷. «Black Lives Matter» — движение, которое появилось в силу того, что определенные группы граждан были вытеснены из публичной сферы, в которой решались дела этих групп. Таким же образом сообщества по всему миру формируют собственную контрпубличную сферу, которая сосуществует наряду с множеством других публичных сфер, выражает свой коллективный опыт через спонтанные, ненасильственные протесты, помещенные в уличное пространство, организованные в сети Интернет и не имевшие определенного лидера уличного протеста с целью выразить свое несогласие с дискриминацией по расовому признаку афроамериканских граждан своей страны.

Вопрос образа США на мировой арене как борца против дискриминации граждан по расовому признаку существует со времен начала ведения активной политики публичной дипломатии — периода холодной войны²⁴⁸. «Сегодня офицеры поддерживают возглавляемое США глобальное движение солидарности против дискриминации и налаживают глобальный диалог о том, как на самом деле выглядит верховенство закона, безопасность и права человека»²⁴⁹. Так, например, 16 июня 2021 года отдел по связям с общественностью консульства США в Пакистане выпустило видео²⁵⁰, в котором подчеркивалась солидарность США и Пакистана против расизма, нацеленная на молодых, активно участвующих в общественной жизни пакистанцев, которые были случайными наблюдателями американской культуры. В видеоролике представлены кадры протестов и американские дипломаты, напоминающие целевой аудитории, которая обычно критически относится к Соединенным Штатам, о том, что США являются демократическим обществом²⁵¹.

---

²⁴⁷ How embracing rights movements enhances public diplomacy and U.S. foreign policy [Электронный ресурс] / CPD Blog / Режим доступа: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/how-embracing-rights-movements-enhances-public-diplomacy-and-us-foreign-policy> (дата обращения: 20.02.2022)

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Juneteenth 2021 by U.S. Consulate General Karachi / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.facebook.com/karachi.usconsulate/videos/193287489379767/> (дата обращения: 20.01.2022)

²⁵¹ Juneteenth 2021 by U.S. Consulate General Karachi / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.facebook.com/karachi.usconsulate/videos/193287489379767/> (дата обращения: 20.01.2022)

Цифровая дипломатия Государственного департамента США представлена публикациями, в которых на первом плане выделяется успешная борьба американского общества за социальную справедливость независимо от расовой принадлежности²⁵², лидерство США в мировой борьбе против торговли людьми²⁵³, приверженность включенной политики для меньшинств²⁵⁴.

Таким образом, общественное движение «Black Lives Matter» стало не только известным на весь мир, но и вдохновила тысячи людей по всему миру выйти на борьбу против дискриминации в своей стране. Политика цифровой дипломатии, проводимая Государственным департаментом США была направлена на построение образа США как страны, которая борется против дискриминации по расовому признаку. Как заявил госсекретарь Дин Раск перед Сенатом: «Мы должны попытаться устранить дискриминацию по признаку расы, цвета кожи, религии не для того, чтобы другие думали о нас лучше, а потому, что это несовместимо с великими идеалами, которым посвящено наше демократическое общество»²⁵⁵.

В описываемом кейсе представляется возможным выделить уведомительную функцию Министерства иностранных дел. Так, МИД России в социальной платформе сети Интернет публикует пост²⁵⁶ о предстоящих протестах общественного движения «Black Lives Matter». В настоящей публикации акцент сделан на том, что данный протест направлен против государственных структур США: «движение «Black Lives Matter» против

---

²⁵² From Civil Rights to Racial Justice: Understanding African-American Social Justice Movements [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/briefings-foreign-press-centers/from-civil-rights-to-racial-justice-understanding-african-american-social-justice-movements/> (дата обращения: 20.01.2022)

²⁵³ 2021 Trafficking in Persons Report [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/reports/2021-trafficking-in-persons-report/> (дата обращения: 20.01.2022)

²⁵⁴ At the Announcement of Ambassador Gina Abercrombie-Winstanley as Chief Diversity and Inclusion Officer [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-the-announcement-of-ambassador-gina-abercrombie-winstanley-as-chief-diversity-and-inclusion-officer/> (дата обращения: 20.01.2022)

²⁵⁵ How embracing rights movements enhances public diplomacy and U.S. foreign policy [Электронный ресурс] / CPD Blog / Режим доступа: <https://usepublicdiplomacy.org/blog/how-embracing-rights-movements-enhances-public-diplomacy-and-us-foreign-policy> (дата обращения: 20.02.2022)

²⁵⁶ Публикация в аккаунте ДСКЦ МИД России в Twitter* [Электронный ресурс] / / Режим доступа: https://mobile.twitter.com/mid_travel/status/1294258250188296192 (дата обращения: 20.01.2022)

жестокости полиции». Таким образом подчеркивается идея о том, что «жестокость полиции» — это справедливый повод для массового уличного протеста.

Таким образом, существует конвергенция «уличной политики» и цифровой дипломатии. Политика цифровой дипломатии может быть направлена на потенциальных или действующих участников уличного протеста. Мы можем говорить о возможном влиянии политики цифровой дипломатии, проводимой официальными ведомствами государств, а также популярными среди мировой аудитории медиа, на поддержку роста протестных настроений. Таким образом, цифровая дипломатия может влиять на «уличную политику», вдохновляя людей по всему миру бороться за свои права, бороться за демократию, следуя лозунгам в публикациях государственного ведомства по иностранным делам. В целом существуют различные форматы цифровой дипломатии, такие как: публикации в социальных сетях, отчеты Министерств иностранных дел, СМИ, поддерживаемые государством-субъектом цифровой дипломатии и т.д. Также, представляется возможным выделить существование различных механизмов такой политики: прямая оценка положения гражданина в иностранном государстве, оценка действий иностранного государства, оценка того, является ли протест «справедливым», а триггер значимым, демонстрация кадров насилия и т.д. Таким образом, конвергенция цифровой дипломатии и «уличной политики» может носить разнонаправленный характер.

3.2 Анализ политики цифровой дипломатии, ставшей фактором «уличной политики»

Анализ публикаций, посвященных протестным акциям, проходивших в Казахстане в январе 2022 года, позволит определить наличие корреляции между цифровой дипломатией и «уличной политикой», а также определить особенности политики цифровой дипломатии. Целью проведения

количественного контент-анализа является доказательство или опровержение гипотезы о том, что существует конвергенция «уличной политики» и цифровой дипломатии, а также гипотезы о том, что трансформация коммуникационной среды является причиной влияния цифровой дипломатии на «уличную политику». Цель планируется достигнуть через выполнение следующих задач: выбор характерного кейса «уличной политики»; анализ публикаций Государственного департамента США на официальном сайте ведомства²⁵⁷, посвященные Казахстану за период протестов, за один месяц до и за один месяц после протестов в Казахстане; разработка кодировочной таблицы; разделение массива публикаций по категориям и подкатегориям по характеру оценки ситуации в иностранном государстве; вывод о существовании или отсутствии влияния политики цифровой дипломатии на «уличную политику».

2 января протесты в западном Казахстане по поводу резкого роста цен на топливо охватили всю страну, отражая глубоко укоренившееся недовольство населения коррупцией, отсутствием гражданских прав, экономическим неравенством и стагнацией²⁵⁸. Уличные протесты привлекли внимание международного сообщества к политической жизни этой страны. Протестные акции начались из-за частного триггера — повышения цен на топливо. С 1 января стоимость литра топлива выросла почти вдвое — до 120 тенге (\$0,27 — около 20 рублей). Требованиям местного населения было понижение цены до 50—60 тенге (\$0,13 — примерно 9 рублей)²⁵⁹. В итоге, протестующие, не объединенные ни одним из лидеров оппозиции или политической партии, представляли широкий круг избирателей, а их

---

²⁵⁷ Официальный сайт Государственного департамента США [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 10.05.2022)

²⁵⁸ How Western Media Framed Kazakhstan's Protests [Электронный ресурс] / Foreign Policy / Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2022/05/02/western-media-kazakhstan-protests/> (дата обращения: 02.05.2022)

²⁵⁹ Протесты в Казахстане – по всей стране ввели чрезвычайное положение [Электронный ресурс] / Реальное время / Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/news/237137-protesty-v-kazahstane---chto-proishodit> (дата обращения: 20.04.2022)

требования и недовольства сильно различались²⁶⁰. Таким образом, движение не имело лидеров, обладало стихийным характером. Изначально требования протестующих носили очень конкретный характер — снизить цены на топливо. Сначала движения были относительно мирными, но затем переросли в полноценную войну между протестующими и силовиками. В очень короткий промежуток времени нереволюционное движение переросло в идеологизированное противостояние. Протестное движение началось 2 января с Мангистауской области и уже 4 января беспорядки прошли в Алматы, в крупнейшем городе страны. Президент Токаев объявил в стране Чрезвычайное положение, а уже утром 5 января правительство страны ушло в отставку²⁶¹. Для Казахстана — это беспрецедентный случай сильного протестного движения за множество лет.

Правительство Казахстана заявило, что все протестующие были «террористами», финансируемыми иностранными злонамеренными субъектами, объявило чрезвычайное положение и запросило поддержки у Организации Договора о коллективной безопасности — военного союза между Россией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Арменией²⁶². Правительство Казахстана заявило, что все протестующие были «террористами», финансируемыми иностранными злонамеренными субъектами, объявило чрезвычайное положение и запросило поддержки у Организации Договора о коллективной безопасности — военного союза между Россией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Арменией²⁶³.

---

²⁶⁰ Behind the Unrest in Kazakhstan [Электронный ресурс] / International Crisis Group / Режим доступа: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/kazakhstan/behind-unrest-kazakhstan> (дата обращения: 20.01.2022)

²⁶¹ Массовые протесты в Казахстане [Электронный ресурс] / Интерфакс / Режим доступа: <https://www.interfax.ru/chronicle/massovye-protesty-v-kazahstane.html> (дата обращения: 20.04.2022)

²⁶² How Western Media Framed Kazakhstan's Protests Казахстане [Электронный ресурс] / Foreign Policy / Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2022/05/02/western-media-kazakhstan-protests/> (дата обращения: 02.05.2022)

²⁶³ Там же.

В стране есть крупные макроэкономические проекты, добываются нефть, газ, уран и металлы, приглашается много иностранных рабочих²⁶⁴. В целом, нефтедобывающие предприятия сотрудничают со множеством иностранных проектов, так как Казахстан обладает инвестиционной привлекательностью для других стран. «Международные СМИ по-настоящему заинтересовались Казахстаном только тогда, когда протесты переросли в насилие», — отмечает Эрика Марат, доцент Национального университета обороны в Вашингтоне. «Мы видели, как в освещении доминировали изображения сожженных автомобилей и зданий. Я не думаю, что международные СМИ были бы так заинтересованы в Казахстане, если бы не вспыхнувшее насилие»²⁶⁵.

По мнению исследователей²⁶⁶, в 2014 году, например, в Казахстане не было координирующего органа для создания благоприятного имиджа страны за рубежом. Потенциал влияния цифровой дипломатии Казахстана не оценивается как значительный. В то время как протесты в январе 2022 года освещены в публикациях Министерства иностранных дел в некоторой степени, например, представлена «Хронология событий протестов и терактов в Республике Казахстан»²⁶⁷. Отрицая опыт взаимодействия с общественным движением, вылившимся в протестное сопротивление, цифровая политика Республики Казахстан направлена на некоторое «забвение» событий января 2022 года, что также можно отметить, обратившись к другой публикации Министерства иностранных дел Республики Казахстан — «ОИС приняла резолюцию по январским событиям в Казахстане»²⁶⁸. В данной публикации

---

²⁶⁴ «В местной элите идет борьба» Кто стоял за массовыми протестами в Казахстане и могут ли они захлестнуть всю Среднюю Азию Казахстане [Электронный ресурс] / Лента / Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2022/01/20/kazakhstan/> (дата обращения: 20.04.2022)

²⁶⁵ How Western Media Framed Kazakhstan's Protests [Электронный ресурс] / Foreign Policy / Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2022/05/02/western-media-kazakhstan-protests/> (дата обращения: 02.05.2022)

²⁶⁶ Kenzhalina G. The Role of Diplomacy in Promoting Kazakhstan's Country Image in the International Arena // Procedia-Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Т. 140. – С. 650-653.

²⁶⁷ Хронология событий протестов и терактов в Республике Казахстан Казахстане [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Казахстан / Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-sofia/press/news/details/312760?lang=ru> (дата обращения: 20.01.2022)

²⁶⁸ ОИС приняла резолюцию по январским событиям в Казахстане [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Казахстан / Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-sofia/press/news/details/312760?lang=ru> (дата обращения: 20.02.2022)

отмечается террористический характер протестного движения, его опасность и негативное влияние на страну, что, как отмечается, может служить отрицательным примером для других мусульманских стран.

Обратимся к докладу Государственного департамента США «О соблюдении прав человека в Казахстане» за 2021 год²⁶⁹. В настоящем докладе отмечаются следующие описательные высказывания о политике руководства Казахстана в стране: «Касым-Жомарт Токаев стал президентом после выборов в июне 2019 года, которые были отмечены нарушениями в день выборов, включая вброс бюллетеней и фальсификацию подсчета голосов, согласно миссии наблюдателей Управления по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе» и о том, что «исполнительная власть контролирует законодательную и судебную власти, а также региональные и местные органы власти». Однако для анализа возможного влияния политики цифровой дипломатии на «уличную политику» являются заявления о правах человека в стране, о положении граждан: «(о) незаконных или произвольных убийствах, совершенных правительством или от его имени; пытки со стороны правительства и от его имени; произвольное задержание; политические заключенные; серьезные проблемы с независимостью судебной власти; наказание членов семьи за правонарушения, якобы совершенные физическим лицом; серьезные ограничения свободы слова и средств массовой информации, включая насилие или угрозы насилия в отношении журналистов; серьезные ограничения свободы Интернета; существенное вмешательство в право на мирные собрания и свободу ассоциации; серьезные и необоснованные ограничения на участие в политической жизни; серьезная коррупция в правительстве; и существенные ограничения свободы объединения работников». Таким образом, Государственный департамент США представляет официальный

---

²⁶⁹ 2021 Country Reports on Human Rights Practices: Kazakhstan [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/reports/2021-country-reports-on-human-rights-practices/kazakhstan/> (дата обращения: 20.02..2022)

открытый мониторинг оценки правительства Казахстана. В данном отчете мы наблюдаем заявления о неработоспособности судов в Казахстане, о несоблюдении прав и т.д. Стоит также отметить, что это единственная повестка заявления.

Для анализа мы выбрали данные кейсы по ряду причин, определив то, что движение является примером «уличной политики». Во-первых, в организации протестов не были задействованы партии, профсоюзы и общественные организации, относящиеся к институциональной системе. «Улица» стала своеобразным пространством для массового выражения недовольства граждан. Во-вторых, требования протестующих в зарождении протеста выражали частные проблемы. Таким образом, это была народная, неинституционализированная, коммуникационная организация уличного пространства, осуществляемая исключенными из «главной» публичной сферы субъектами, образующими массовое выражение коллективного опыта вне «главной» публичной сферы, её правил, правил коммуникации и иерархической структуры.

Эмперической базой данного исследования будут являться публикации Государственного департамента США. Критериями отбора выборки являются следующие условия: 1) публикации, содержащие следующие слова: «Казахстан» (Kazakhstan), «Токаев» (Tokayev), «Алма-Ата» (Alma-Ata), «Назарбаев» (Nazarbayev); «Мангистауская область» (Mangystau region); «протест/протестующие» (protest, protesters); 2) публикации за временной промежуток десять до протестов, период протестов (2 января 2022 года – 7 января 2022 года) и десять дней после, таким образом, эмперической базой исследования являются публикации с 2.12.2021 по 7.02.2022 соответственно. На официальной странице Государственного департамента США в социальной сети Twitter*²⁷⁰ в период с 2.12.2021 по 7.02.2022 по поиску ключевых слов-«маркеров» присутствуют только твиты отсылающие к

---

²⁷⁰ Официальная страница Государственного департамента США в социальной сети Twitter* Kazakhstan [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://twitter.com/StateDept> (дата обращения: 20.01.2022)

публикациям на официальном сайте ведомства, которые и стали эмпирической базой настоящего анализа.

Были выявлены единицы контент-анализа и сформулированы категории. Единицами наблюдения на данном этапе исследования являются публикации на официальном сайте Государственного департамента США, посвященные рассматриваемому кейсу, а именно — протестам в Республике Казахстан в январе 2022 года, среди которых: примечания для СМИ, брифинги департамента для прессы, отчеты, интервью, заявления для прессы. В настоящем исследовании качественные единицы анализа являются публикации на сайте Государственного департамента США. Количественными единицами счета являются упоминания следующих слов: «Казахстан» (Kazakhstan), «Токаев» (Tokayev), «Алма-Ата» (Alma-Ata), «Назарбаев» (Nazarbayev); «Мангистауская область» (Mangystau region); «протест/протестующие» (protest, protesters). Таким образом, мы анализируем каждое упоминание перечисленных слов-«маркеров», определяя упоминание в подкатегию. Это позволит проанализировать формат публикаций такой как интервью и брифинги. Тематическую частоту (единица счета), таким образом, мы приравнивали к категориям и подкатегориям. Была разработана кодировочная таблица (Приложение 1).

В ходе исследования нами были выделены три категории: «выражение негативной оценки действий руководства иностранного государства» (А), «выражение положительной оценки действий руководства иностранного государства» (В) и «выражение нейтралитета в оценке действий руководства Казахстана. Новостное упоминание» (С). Рассмотрим категории и подкатегории и рассчитаем частотность для каждой подкатегории. В первой категории «выражение негативной оценки действий руководства иностранного государства» (А) мы обозначили одноименную подкатегию: 1) «Выражение негативной оценки действий руководства иностранного государства» (А1). В категории «выражение положительной оценки действий руководства иностранного государства» (В) мы выделили

следующие подкатегории: 1) «Выражение положительной оценки действий руководства иностранного государства» (B1), 2) «Призыв к мирному урегулированию конфликта» (B2). В категории «выражение нейтралитета в оценке действий руководства Казахстана. Новостное упоминание» (C) мы выделяем две подкатегории: 1) «Новостное упоминание событий» (C1) и 2) «Указание на причастность/ответственность российской стороны» (C2).

В свою очередь в подкатегориях «Выражение негативной оценки действий руководства иностранного государства» (A1) и «Выражение положительной оценки действий руководства иностранного государства» (B1) были выделены более подкатегории следующего уровня, позволяющие проанализировать особенности положительной или негативной оценки. Для «Выражение негативной оценки действий руководства иностранного государства» (A1): «В Казахстане нарушаются права человека» (A1.1), «Выражение голоса за демонстрантов» (A1.2), «В Казахстане серьезные ограничения свободы Интернета» (A1.3), «утверждение о том, что в стране опасно» (A1.4). Для «Выражение положительной оценки действий руководства иностранного государства» (B1), Выражение о партнерстве между США и Казахстаном (B1.1), «выражение о высоком потенциале развития Республики Казахстан» (B1.2), «одобрение политики руководства страны» (B1.3), «утверждение о том, что в стране безопасно» (B1.4).

Всего было проанализировано 13 публикаций и 181 упоминаний слов-«маркеров» с 2.12.2021 по 7.02.2022 в публикациях, посвященных событиям в Казахстане. В проанализированных примечаниях для СМИ, брифингах департамента для прессы, отчетах, интервью, заявлениях для прессы было отмечено 158 упоминаний слова-«маркера» «Казахстан» (Kazakhstan), 5 упоминания слова-«маркера» «Токаев» (Токаев), 0 упоминаний слова-«маркера» «Алма-Ата» (Alma-Ata), 1 упоминание слова-«маркера» «Назарбаев» (Nazarbayev), 0 упоминаний слова-«маркера» «Мангистауская область» (Mangystau region), 17 упоминаний слова-«маркера» «протест/протестующие» (protest, protesters).

Разбиваем в исследовании выделенную единицу счета на категории и подкатегории, вносим полученные результаты с процентным подсчетом их частотности в таблицу (Приложение 2). Согласно графику распределения упоминаний ключевых слов в временном промежутке с 2.12.2021 по 7.02.2022 (Приложение 3) мы можем отметить два пиковых момента: 16.12.2021 – 23.12.2021 и 6.01.2022. 6 января протесты в Казахстане находились на пиковой стадии, и данная корреляция вполне логически может обосновываться происходящими событиями. В то время как период середины декабря — рост числа упоминаний Казахстана или связанных с этой страной слов в дискурсе Государственного департамента США, носит характер положительных высказываний о потенциале развития Республики Казахстан, о тех мерах безопасности, которые были обеспечены руководством Казахстана по совету и «предводительству» США²⁷¹.

Проанализировав процентный подсчет частотности упоминаний (Приложение 2), можно сделать ряд выводов. Во-первых, преобладающими подкатегориями выделены упоминания слов-«маркеров» в контексте, который выражает высокий потенциал развития Республики Казахстан (20,2%), а также упоминания, где отмечается факт нарушения прав человека в Казахстане (16,8%). В настоящем случае следует упомянуть ранее рассмотренную в работе концепцию «Мягкой силы» Дж. Ная²⁷² — на построении образа дружественной страны. Таким образом, поддерживается образ США как государства, которое поддерживает и верит в потенциал страны и ее граждан, а также в их светлое будущее. В то же время, неоднократно упоминается, что в Республике Казахстан «нарушаются права человека», «граждане преследуются государством», «государство совершает насилие в отношении граждан».

---

²⁷¹ Country Reports on Terrorism 2020: Kazakhstan [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2020/kazakhstan/> (дата обращения: 20.04.2022)

²⁷² Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО университета. – 2017. – №. 3 (54). – С. 212-223.

В целом, мы наблюдаем равномерное распределение упоминаний по категориям, и очень неравномерное по подкатегориям. Если значение категории (А) Выражение негативной оценки действий руководства иностранного государства и значение категории (39,2 %) и значение категории (В) Выражение положительной оценки действий руководства иностранного государства (46,8) не отличается значительно, то стоит отметить, что первый пик упоминаний отмеченный на графике (Приложение 3) приходится на упоминания руководства Республики Казахстан в позитивном ключе, как важного стратегического партнера. В то же время пик упоминаний, который пришелся на протестные события отмечен упоминаниями, которые были отнесены к категории (А) Выражение негативной оценки действий руководства иностранного государства и значение категории. Это важное уточнение позволяет нам сделать вывод о конвергенции «уличной политики» и цифровой дипломатии.

Таким образом, мы не можем с уверенностью утвердительно ответить на вопрос о влиянии цифровой дипломатии на «уличную политику». При различных обстоятельствах цифровая дипломатия носит различный характер, использует различные механизмы работы и т.д. Однако мы можем говорить о том, что политика цифровой дипломатии направлена на «уличную политику» иностранных государств с целью возможного влияния на общественное мнение граждан других государств. «Уличная политика», таким образом, являясь способом выражения частных проблем и коллективного опыта для субъектов контрпубличных сфер, и может потенциально испытывать влияние проводимой извне политики цифровой дипломатии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе авторами была достигнута цель исследования: выявлена специфика конвергенции цифровой дипломатии и «уличной политики». В первой главе авторами улица была рассмотрена как объект исследования публичной сферы, а также определены подходы к исследованию «уличной политики». Теоретическое осмысление концепции «публичная сфера» было представлено в настоящей работе несколькими подходами. Особое внимание было уделено нормативной концепции Ю. Хабермаса. Представленная концепция претерпевала изменения, породив критику, способствующую дальнейшему развитию концепта публичной сферы в научном сообществе. Было также отмечено, что современные исследования, в попытках переосмыслить концепцию публичной сферы стараются учитывать изменения в публичной сфере, которые происходят под влиянием развития и распространения сети Интернет.

Авторы также отмечают, что контрпублики не обладая рациональным языком коммуникации, выражают свой коллективный опыт исключенных из публичного диалога субъектов, создают, таким образом, по возможности легитимную «уличную политику». Выделяя три критерия буржуазной публичной сферы: единство, выработанный особый язык коммуникации и механизмы исключения, под буржуазной публичной сферой автор понимает обладающую единством, иерархической структурой, собственным стилем аргументации и исключающими механизмами публичную сферу, основанную на коммуникации, которая создает идеализированную ситуацию, направленную на выработку общего консенсуса. Затем были выделены особенности контрпубличной сферы. В определении «уличной политики» автор отталкивался от дихотомии буржуазной публичной сферы и контрпубличной сферы: «уличная политика» — это народная неинституционализированная коммуникационная организация уличного

пространства, осуществляемая исключенными из «главной» публичной сферы субъектами, образующими массовое выражение коллективного опыта вне элитистской публичной сферы, её правил и иерархической структуры.

Во второй главе автором прослеживается эволюция концепта «новая публичная дипломатия», а также рассмотрены подходы к понятию «цифровая дипломатия» в рамках теории публичной дипломатии. Автором были определены два основных подхода к изучению концепции публичной дипломатии. Первый подход отражен в определении Галлиона: «публичная дипломатия» — это комплекс государственных мероприятий, направленных на достижение целей внешней политики путем влияния на общественное мнение за рубежом. Согласно данному подходу, понятие «новой публичной дипломатии» наиболее точно передано концепцией предложенной Дж. Наем. Второй подход изучает публичную дипломатию, опираясь на теорию связей с общественностью и массовых коммуникаций.

Согласно двум подходам к изучению публичной дипломатии, обозначенных выше, ряд авторов отмечают в качестве субъектов цифровой дипломатии правительственные учреждения, работа которых направлена на достижение целей внешней политики путем влияния на общественное мнение за рубежом. Цифровая дипломатия требует от правительств проводить новую политику публичной дипломатии. Авторы понимают под цифровой дипломатией, в общем смысле, особую форму публичной дипломатии, проведение которой предполагает растущее использование информационно-коммуникационных технологий и платформ социальных сетей. Цифровизация влияет на социальные нормы и ценности, и цифровой общество — это общество обмена информацией.

Интернет является пространством сетевой организации, способным обеспечить гражданам поддержку и распространить контент, а также побудить к активным политическим действиям. Проведение политики цифровой дипломатии в контексте Интернета и гражданской онлайн-активности подразумевает некоторую потерю контроля над результатами такой политики.

Платформы социальных сетей, таким образом, сделали публичную сферу не только более открытой, но и более массовой, предоставив политическим субъектам доступ к мировой аудитории, а онлайн-активистам — объединять мир реального физического протеста и виртуальное пространство.

Проведенный в третьей главе анализ кейсов цифровой дипломатии и связанных с ними кейсов «уличной политики» позволил сделать вывод о том, что существует конвергенция «уличной политики» и цифровой дипломатии. Государственные ведомства, прогосударственные медиа, ориентированные на иностранную аудиторию, каналы государственных ведомств в социальных сетях являются субъектами цифровой дипломатии. Политика цифровой дипломатии ставит своей целью возможное влияние рост протестных настроений в иностранном государстве. Таким образом, цифровая дипломатия может влиять на «уличную политику», вдохновляя людей по всему миру бороться за свои права, бороться за демократию, следуя лозунгам в публикациях государственного ведомства по иностранным делам.

Авторами настоящей работы были выделены различные форматы цифровой дипломатии: публикации в социальных сетях, отчеты Министерств иностранных дел, СМИ, поддерживаемые государством-субъектом цифровой дипломатии, интервью, отчеты и т.д. А также, выделили различные механизмы политики цифровой дипломатии: прямая оценка положения гражданина в иностранном государстве, оценка действий иностранного государства, оценка того, является ли протест «справедливым», является ли триггер, побудивший тысячи людей выйти на уличный протест значимым, демонстрация кадров насилия и т.д. Таким образом, конвергенция цифровой дипломатии и «уличной политики» может носить разнонаправленный характер. И так как развитие технологий сети Интернет делает мгновенными передачи информации по всему миру, что подтверждает нашу гипотезу о том, что трансформация коммуникационной среды является причиной влияния цифровой дипломатии на «уличную политику». Однако мы не можем с уверенностью утвердительно ответить на вопрос о влиянии цифровой

дипломатии на «уличную политику. Анализ различных форматов официальных публикаций государственных ведомств, ориентированных на освещение и комментирование событий в другом государстве является проявлением политики цифровой дипломатии, направленной на «уличную политику» иностранных государств с целью возможного влияния на общественное мнение граждан другой страны. «Уличная политика», таким образом, являясь способом выражения частного опыта, исключенных из публичного дискурса субъектов контрпубличных сфер, и может потенциально испытывать влияние политики цифровой дипломатии, проводимой иностранным государством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Е. В. Публичная сфера, городское пространство и новые медиа //Философский журнал. – 2012. – №. 2 (9).
2. Азаров А. А. И др. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере евромайдана, ноябрь 2013 г.) //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – №. 3 (121).
3. Акопов С. В. «Справедливость» в эпоху сетевого общества: национальная или транснациональная? // В кн.: Социальная справедливость в современном мире / Отв. Ред.: Л. И. Никовская. М. : Ключ-С, 2017. С. 84-94.
4. Бахриев Б. Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе //Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2017. – №. 1. – С. 131-147.

5. Бодрунова С. С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения //Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. 14. – №. 1.
6. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества : дис. – Санкт-Петербургский государственный университет, 2016.
7. Вахштайн В.С., Вайзер Т.В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности //Available at SSRN 2807018. – 2016.
8. Володенков С. В. Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации национальных политических режимов //Поиск. Альтернативы. Выбор. Общественно-политический альманах. – 2016. – №. 2. – С. 206-213.
9. Володенков С. В., Артамонова Ю. Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической Интернет-коммуникации //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – №. 53.
10. Грачев М. Н. Политические коммуникации и коммуникационное измерение политики //» Новая Россия»: политическое знание и политологическое образование. – 2000. – С. 36-41.
11. Дементьева И.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке. // Журнал: Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – Выпуск № 4 (116) – 2013 г. – С. 3-12.
12. Здравомыслова Е. А. Социологические подходы к анализу общественных движений //Социологические исследования. – 1990. – №. 7. – С. 88-94.
13. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы //Вестник МГИМО университета. – 2017. – №. 3 (54). – С. 212-223.

14. Мартьянов Д. С., Мартьянова Н. А. Селективная модерация в условиях виртуальной публичной сферы //Социодинамика. – 2019. – №. 12. – С. 74-85.
15. Михайлова Е. В., Скогорев А. П. Протесты как форма гражданской активности в современной России //Власть. – 2017. – №. 1.
16. О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 // Москва. – ООО «Журнал Компьютерра». – Выпуск №38 (610). – 2005 г. – С. 12-23
17. Ожъен А., Борисенкова А. Уличная политика и политика голосования //Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13. – №. 1.
18. Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002.
19. Смирнов Н. А. Публичная дипломатия: эволюция концепта в политической науке //Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2015. – №. 1. – С. 78-89.
20. Филатова О. Т. Политическое влияние Интернета на массовую аудиторию: концептуальные основания исследования //Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2007. – №. 3-1.
21. Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы //М.: Прогресс. – 1989.
22. Чугунов А. В. Развитие интернета в России и мониторинг общественного мнения о ходе реализации ФЦП «Электронная Россия»(2002-2006 гг.) //Информационные ресурсы России. – 2007. – №. 4. – С. 6-6.
23. Barry D., McIntire M., Rosenberg M. Our president wants us here': The mob that stormed the Capitol //The New York Times. – 2021. – Т. 9.
24. Bátora J. Public diplomacy in small and medium-sized states: Norway and Canada. – The Hague : Netherlands Institute of International Relations, 2005.
25. Bennett L. Grounding the European public sphere: looking beyond the mass media to digitally mediated issue publics. – 2012.
26. Blumler J. G. The fourth age of political communication //Politiques de communication. – 2016. – №. 1. – С. 19-30.

27. Blumler J. G., Kavanagh D. The third age of political communication: Influences and features //Political communication. – 1999. – T. 16. – №. 3. – C. 209-230.
28. Buchanan L., Bui Q., Patel J. K. Black Lives Matter may be the largest movement in US history //The New York Times. – 2020. – T. 3.
29. Butler J. Bodies in Alliance and the Politics of the Street //European Institute for Progressive Cultural Policies. – 2011. – T. 9. – C. 1-29.
30. Byrne C. Public Diplomacy and Constructivism: A Synergistic and Enabling Relationship //Australian Journal of International Affairs. – 1995. – T. 49. – №. 2.
31. Calhoun C. Populist politics, communications media and large scale societal integration //Sociological theory. – 1988. – C. 219-241.
32. Calhoun C. The democratic integration of Europe: interests, identity, and the public sphere //Europe without borders: Remapping territory, citizenship, and identity in a transnational age. – 2003. – C. 243-274.
33. Cassidy J., Manor I. Crafting strategic MFA communication policies during times of political crisis: A note to MFA policy makers //Global affairs. – 2016. – T. 2. – №. 3. – C. 331-343.
34. Castells M. The Power of Identity. West Sussex: Willey. – 2010.
35. Chadwick A. The hybrid media system: Politics and power. – Oxford University Press, 2017.
36. Cohen J.L. Critical Social Theory and Feminist Critiques: The Debate with Jürgen Habermas// Meehan J. (ed.) Feminists Read Habermas: Gendering the Subject of Discourse. New York: Routledge, 1995. P. 57–90.
37. Cull N. J. Public diplomacy: Taxonomies and histories //The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – T. 616. – №. 1. – C. 31-54.
38. Cull N. J. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy //International Studies Review. – 2013. – T. 15. – №. 1. – C. 123-139.
39. Dahlberg L. The Habermasian public sphere: Taking difference seriously? //Theory and Society. – 2005. – T. 34. – №. 2. – C. 111-136.

40. Dewey J. The Public and Its Problems (Athens, OH //Swallow Press. – 1927. – T. 1954. – C. 219.
41. Entman R. M. Theorizing mediated public diplomacy: The US case //The International Journal of Press/Politics. – 2008. – T. 13. – №. 2. – C. 87-102.
42. Fraser N. Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy //Social text. – 1990. – №. 25/26. – C. 56-80.
43. Fuchs C. How did Donald Trump incite a coup attempt? //TripleC: Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society. – 2021. – T. 19. – №. 1. – C. 246-251.
44. Gilboa E. Searching for a theory of public diplomacy //The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – T. 616. – №. 1. – C. 55-77.
45. Golan G. J. An integrated approach to public diplomacy //American Behavioral Scientist. – 2013. – T. 57. – №. 9. – C. 1251-1255.
46. Golan G. J., Manor I., Arceneaux P. Mediated public diplomacy redefined: Foreign stakeholder engagement via paid, earned, shared, and owned media //American Behavioral Scientist. – 2019. – T. 63. – №. 12. – C. 1665-1683.
47. Gregory B. Mapping boundaries in diplomacy's public dimension //The Hague Journal of Diplomacy. – 2016. – T. 11. – №. 1. – C. 1-25.
48. Griffin J. D. Income Inequality, Citizen Polarization, and Political Protest. // University of Colorado Boulder. [Электронный ресурс] / European Consortium for Political Research. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/07d61890-8908-4c40-b7d2-21c36232d29c.pdf> (дата обращения: 27.04.2020)
49. Grunig J. E. Public relations and international affairs: Effects, ethics and responsibility //Journal of International Affairs. – 1993. – C. 137-162.
50. Gurak L. J., Logie J. Internet protests, from text to web //Cyberactivism. – Routledge, 2013. – C. 35-56.
51. Gürcan E. C., Donduran C. The formation and development of the black lives matter movement: a political process perspective //Siyasal: Journal of Political Sciences. – 2021. – T. 30. – №. 1. – C. 151-167.

52. Gurgu E., Cociuban A. D. New public diplomacy and its effects on international level //Journal of Economic Development, Environment and People. – 2016. – T. 5. – №. 3. – C. 46-56.
53. Castells M. The Power of Identity. West Sussex: Willey. – 2010.
54. Habermas J. Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy. – John Wiley & Sons, 2015.
55. Habermas J. Theory of Communicative Action, Volume 1: Reason and the Rationalization of Society. – 1985.
56. Heller P. Reinventing public power in the age of globalization //Social movements in India: Poverty, power, and politics. – 2005. – C. 79-106.
57. Hocking, B., & Melissen, J. (2015). Diplomacy in the digital age. Clingendael, Netherlands Institute of International Relations.
58. Holt L. F., Sweitzer M. D. More than a black and white issue: Ethnic identity, social dominance orientation, and support for the black lives matter movement //Self and Identity. – 2020. – T. 19. – №. 1. – C. 16-31.
59. Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media //Business horizons. – 2010. – T. 53. – №. 1. – C. 59-68.
60. Khamis S., Vaughn K. ‘We Are All Khaled Said’: The potentials and limitations of cyberactivism in triggering public mobilization and promoting political change //Journal of Arab & Muslim Media Research. – 2012. – T. 4. – №. 2-3. – C. 145-163.
61. Knödler-Bunte E., Lennox S., Lennox F. The proletarian public sphere and political organization: an analysis of Oskar Negt and Alexander Kluge’s The Public Sphere and Experience //New German Critique. – 1975. – №. 4. – C. 51-75.
62. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. – Verso Books, 2014. – T. 8.
63. Leonard M., Stead C., Sweming C. Public Diplomacy (London: Foreign Policy Centre) //Search in. – 2002.

64. Lippmann W. „1925. The Phantom Public.
65. Luhmann N. The reality of the mass media. – Stanford, CA : Stanford University Press, 2000. – C. 1.
66. Manor I. The digitalization of diplomacy: Toward clarification of a fractured terminology //Working Chapter. Exploring Digital Diplomacy. – 2017.
67. McCaughey M., Ayers M. D. (ed.). Cyberactivism: Online activism in theory and practice. – Routledge, 2013.
68. McCaughey M., Ayers M. D. (ed.). Cyberactivism: Online activism in theory and practice. – Routledge, 2013.
69. Melissen J. Et al. (ed.). The new public diplomacy. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. – C. 292-31.
70. Meyer D.S. Protest and Political Opportunities // Annual Review of Sociology. – 2004 – P. 125—145.
71. Misyuk I. Propaganda and public diplomacy: The problem of differentiation. – 2013
72. Mouffe C. Conclusion: The ethics of democracy //Mouffe, Chantal (Hg.), The democratic paradox, London: Verso, S. – 2000. – T. 129. – C. 140.
73. Nara A. Et al. The opportunities and challenges with social media and big data for research in human dynamics //Human Dynamics Research in Smart and Connected Communities. – Springer, Cham, 2018. – C. 223-234.
74. Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of Bourgeois and Proletariat Public Sphere. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.
75. Nye Jr J. S. Soft power: The means to success in world politics. – Public affairs, 2004
76. Ociepka B. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies //European journal of communication. – 2018. – T. 33. – №. 3. – C. 290-303.

77. Pajtinka E. Public Diplomacy as a Theoretical Problem: Searching for a Definition //European Journal of Transformation Studies. – 2019. – T. 7. – №. 2. – C. 21-32.
78. Peterková J. Et al. The impact of the EU accession on the domestic dimension of public diplomacy—the Czech case //Politické vedy. – 2017. – T. 20. – №. 2. – C. 8-26.
79. Rauchfleisch, A., & Kovic, M. (2016). The Internet and generalized functions of the public sphere: Transformative potentials from a comparative perspective. *Social Media+ Society*, 2(2), 2056305116646393.
80. Salikov A. Hannah Arendt, Jürgen Habermas, and Rethinking the Public Sphere in the Age of Social Media //Russian Sociological Review. – 2018. – T. 17. – №. 4. – C. 88-102.
81. Savage C. Incitement to riot? What Trump told supporters before mob stormed Capitol //New York Times. – 2021. – T. 10.
82. Sennett R. The conscience of the eye. The design of social life of cities. N.Y.; L., 1990; Idem. Flesh and stone. The body and the city in Western civilization. N.Y.; L., 1994; СЕННЕТ Р. С. 50
83. Signitzer B. H., Coombs T. Public relations and public diplomacy: Conceptual covergences //Public relations review. – 1992. – T. 18. – №. 2. – C. 137-147.
84. Smith M., Ballard J., Sanders L. Most voters say the events at the US Capitol are a threat to democracy //YouGov Politics & Current Affairs. January. – 2021. – T. 6.
85. Tam L., Kim J. N. Who are publics in public diplomacy? Proposing a taxonomy of foreign publics as an intersection between symbolic environment and behavioral experiences //Place Branding and Public Diplomacy. – 2019. – T. 15. – №. 1. – C. 28-37.
86. Tarrow S. G. Power in movement: Social movements and contentious politics. – Cambridge University Press, 2011.
87. Taylor C. Modern social imaginaries. – Duke University Press, 2004.

88. Tillery A. B. What kind of movement is Black Lives Matter? The view from Twitter //Journal of Race, Ethnicity, and Politics. – 2019. – Т. 4. – №. 2. – С. 297-323.
89. Trajkov V., Trajkov G. The influence of public diplomacy on the states visibility in the international relations //J. Liberty & Int'l Aff. – 2015. – Т. 1. – С. 70.
90. Tully J. On the Global Multiplicity of Public Spheres //Emden Ch. J., Midgley DR (eds.), Beyond Habermas. Democracy, knowledge, and the public sphere, New York, Berghahn Books. – 2012. – С. 169-204.
91. Van Dijck J., Poell T. Social media and the transformation of public space //Social Media+ Society. – 2015. – Т. 1. – №. 2. – С. 2056305115622482.
92. Van Dijck J., Poell T. Social media and the transformation of public space //Social Media+ Society. – 2015. – Т. 1. – №. 2.
93. Vegh S. Classifying forms of online activism: The case of cyberprotests against the World Bank //Cyberactivism. – Routledge, 2013. – С. 81-106.
94. Kenzhalina G. The Role of Diplomacy in Promoting Kazakhstan's Country Image in the International Arena //Procedia-Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Т. 140. – С. 650-653.
95. Westcott N. Digital diplomacy: The impact of the internet on international relations. – 2008.
96. Wimmer J. Counter-public spheres and the revival of the European public sphere //Javnost-The Public. – 2005. – Т. 12. – №. 2. – С. 93-109.
97. «Вполне логично»: как BBC объяснила поиски «российского следа» в протестах во Франции / Russia Today / Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/584219-bbc-poisk-rossiiskii-sled-franciya> (дата обращения: 18.01.2022)
98. «Русский след»: верят ли парижане во вмешательство Москвы в протесты «жёлтых жилетов» / Russia Today / Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/video/584340-parizhane-bbc-rossiya-protesty-franciya> (дата обращения: 20.11.2021)

99. Массовые протесты в Казахстане [Электронный ресурс] / Интерфакс / Режим доступа: <https://www.interfax.ru/chronicle/massovye-protesty-v-kazahstane.html> (дата обращения: 20.04.2022)
100. МИД России отреагировал на штурм Капитолия в США [Электронный ресурс] / Lenta.ru / Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2021/01/07/vnutrennee/> (дата обращения: 29.11.2021).
101. ОИС приняла резолюцию по январским событиям в Казахстане [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Казахстан / Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-sofia/press/news/details/312760?lang=ru> (дата обращения: 20.02.2022)
102. Официальный сайт Государственного департамента США [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 10.05.2022)
103. Протесты в Казахстане – по всей стране ввели чрезвычайное положение [Электонный ресурс] / Реальное время / Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/news/237137-protesty-v-kazahstane---chto-proishodit> (дата обращения: 20.04.2022)
104. Публикация Travel-State Dept [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://twitter.com/travelgov/status/1065998484317319171?lang=bg> дата обращения: 29.01.2022).
105. Публикация в аккаунте ДСКЦ МИД России в Twitter* [Электронный ресурс] / / Режим доступа: https://mobile.twitter.com/mid_travel/status/1294258250188296192 (дата обращения: 20.01.2022)
106. Хронология событий протестов и терактов в Республике Казахстан [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Казахстан / Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-sofia/press/news/details/312760?lang=ru> (дата обращения: 20.01.2022)

107. «Paris transformative»: l'espace urbain parisien comme lieu de transformations [Электронный ресурс] / Ministère des affaires étrangères / Режим доступа: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/diplomatie-scientifique-et-universitaire/veille-scientifique-et-technologique/autriche/article/paris-transformatif-l-espace-urbain-parisien-comme-lieu-de-transformations> (дата обращения: 29.01.2022)
108. 2021 Country Reports on Human Rights Practices: Kazakhstan [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/reports/2021-country-reports-on-human-rights-practices/kazakhstan/> (дата обращения: 20.02..2022)
109. 2021 Trafficking in Persons Report [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/reports/2021-trafficking-in-persons-report/> (дата обращения: 20.01.2022)
110. A Foreign Policy for the American People [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people/> (дата обращения: 19.01.2022)
111. ACPD Official Meeting Minutes: June 17, 2021 [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/acpd-official-meeting-minutes-june-17-2021/> (дата обращения: 19.01.2022)
112. At the Announcement of Ambassador Gina Abercrombie-Winstanley as Chief Diversity and Inclusion Officer [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-the-announcement-of-ambassador-gina-abercrombie-winstanley-as-chief-diversity-and-inclusion-officer/> (дата обращения: 20.01.2022)
113. Behind the Unrest in Kazakhstan [Электронный ресурс] / International Crisis Group / Режим доступа: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/kazakhstan/behind-unrest-kazakhstan> (дата обращения: 20.01.2022)
114. Black Lives Matter protests shift public discourse [Электронный ресурс] / PNAS / Режим доступа:

- <https://www.pnas.org/doi/abs/10.1073/pnas.2117320119> (дата обращения: 10.03.2022)
115. Capitol siege: Trump's words 'directly led' to violence, Patel says [Электронный ресурс] / BBC NEWS / <https://www.bbc.com/news/uk-politics-55571482> (дата обращения: 15.01.2022)
116. Country Reports on Terrorism 2020: Kazakhstan [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2020/kazakhstan/> (дата обращения: 20.04.2022)
117. Chaggaris Steve “Whether Trump ‘Incited’ Capitol Riot is in Eye of the Beholder.” [Электронный ресурс] / *Aljazeera* / <https://www.aljazeera.com/news/2021/1/11/whether-trump-incited-capitol-riot-is-in-eye-of-the-beholder> (дата обращения: 10.03.2022)
118. Dag Hammarskjöld: The UN years. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.un.org/depts/dhl/dag/time1958.html> (дата обращения: 15.11.2021)
119. Democrats’ push to impeach Trump is just the latest chapter of US Civil War 2.0 / Russia Today / Режим доступа: <https://www.rt.com/op-ed/476183-impeachment-vote-trump-democrats/> (дата обращения: 19.01.2022)
120. Donald Trump Speech “Save America” Rally Transcript January 6 [Электронный ресурс] / Rev / <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-speech-save-america-rally-transcript-january-6> (дата обращения: 18.01.2022)
121. From Civil Rights to Racial Justice: Understanding African-American Social Justice Movements [Электронный ресурс] / U.S. Department of State / Режим доступа: <https://www.state.gov/briefings-foreign-press-centers/from-civil-rights-to-racial-justice-understanding-african-american-social-justice-movements/> (дата обращения: 20.01.2022)
122. Gilets jaunes: après la grève du 5 décembre, Macron doit-il vraiment s’inquiéter pour le 7? [Электронный ресурс] / Le Parisien. Режим доступа:

- <http://www.leparisien.fr/economie/gilets-jaunes-apres-la-greve-du-5-decembre-macron-doit-il-vraiment-s-inquieter-pour-le-7-02-12-2019-8207637.php> (дата обращения: 29.04.2020).
123. How embracing rights movements enhances public diplomacy and U.S. foreign policy [Электронный ресурс] / CPD Blog / Режим доступа: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/how-embracing-rights-movements-enhances-public-diplomacy-and-us-foreign-policy> (дата обращения: 20.02.2022)
124. How Western Media Framed Kazakhstan's Protests / Foreign Policy / Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2022/05/02/western-media-kazakhstan-protests/> (дата обращения: 02.05.2022)
125. Incited by the President, Pro-Trump Rioters Violently Storm the Capitol [Электронный ресурс] / Time / <https://time.com/5926883/trump-supporters-storm-capitol/> (дата обращения: 15.01.2022)
126. Italie – Q&R – Extrait du point de presse (6 février 2019) [Электронный ресурс] / Ministère des affaires étrangères / Режим доступа: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/italie/evenements/article/italie-q-r-extrait-du-point-de-presse-06-02-19> (дата обращения: 29.01.2022)
127. Juneteenth 2021 by U.S. Consulate General Karachi / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.facebook.com/karachi.usconsulate/videos/193287489379767/> (дата обращения: 20.01.2022)
128. La rue comme lieu de substitution au politique [Электронный ресурс] / France Culture / Режим доступа: <https://www.franceculture.fr/emissions/les-rencontres-de-petrarque/la-rue-comme-lieu-de-substitution-au-politique> (дата обращения: 28.11.2021).
129. Les quatre saisons des jaunes [Электронный ресурс] / Libération. Режим доступа: https://www.liberation.fr/france/2019/11/17/les-quatre-saisons-des-gilets-jaunes_1763573 (дата обращения: 29.04.2020).

130. Les réseaux sociaux, outils de révolte à double tranchant [Электронный ресурс] / La Revue des medias. Режим доступа: <https://larevuedesmedias.ina.fr/les-reseaux-sociaux-outils-de-revolte-double-tranchant> (дата обращения: 27.04.2020).
131. More than a mob: Parler as preparatory media for the Capitol storming [Электронный ресурс] / Peer-reviewed journal on the internet / <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/11574/10077> (дата обращения: 19.01.2022)
132. Pourquoi les mouvements de contestation peinent-ils à faire émerger des leaders? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.franceculture.fr/emissions/le-billet-politique/le-billet-politique-du-lundi-18-novembre-2019> (дата обращения: 28.04.2020).
133. The Return of Street Politics? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://blogs.helsinki.fi/streetpolitics/2014/03/24/the-return-of-street-politics/> (дата обращения: 28.04.2020).
134. This is what Trump told supporters before many stormed Capitol Hill [Электронный ресурс] / abc news / <https://abcnews.go.com/Politics/trump-told-supporters-stormed-capitol-hill/story?id=75110558> (дата обращения: 15.01.2022)
135. UNC Expert: The Capitol Riot and its Lasting Impacts [Электронный ресурс] / University of Northern Colorado / <https://www.unco.edu/news/articles/unc-expert-capitol-riot-lasting-impacts.aspx> (дата обращения: 15.01.2022)
136. Wat je moet weten over de bestorming van het Capitool Hill [Электронный ресурс] / de Volkskrant / <https://www.volkskrant.nl/nieuws-achtergrond/wat-je-moet-weten-over-de-bestorming-van-het-capitool~b19d6838/> (дата обращения: 17.01.2022)
137. What is Digital Diplomacy? [Электронный ресурс] / Exploring Digital Diplomacy / Режим доступа: <https://digdipblog.com/countries-on-twitter-and-facebook/> (дата обращения: 16.11.2021)

138. What is Public Diplomacy? [Электронный ресурс] / United States Information Agency Alumni Association / Режим доступа: <http://www.publicdiplomacy.org/1.htm> (дата обращения: 15.11.2021)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Кодировочная таблица

Код	Категория/подкатегория	Индикатор
А	Выражение негативной оценки действий руководства иностранного государства	
А1	Выражение негативной оценки действий руководства иностранного государства	
А1.1	«В Казахстане нарушаются права человека, власть применяет насилие в отношении граждан» Пример: «Предлагаемые поправки к закону о религии, хотя и вносят дополнительные улучшения по сравнению с первоначальным законом, не приводят законодательство Казахстана в соответствие с международным стандартом и продолжают ограничивать религиозную практику. Власти Казахстана продолжают арестовывать, задерживать».	
А1.2	«Выражение обеспокоенности за демонстрантов» Пример: «...вопроса о Казахстане, мы по-прежнему обеспокоены продолжающимся там чрезвычайным положением. Мы всегда осуждаем любое насилие в отношении мирных демонстрантов. Мы всегда осуждаем любое насилие в отношении мирных демонстрантов».	
А1.3	«В Казахстане серьезные ограничения свободы Интернета» Пример. «Мы просим всех казахстанцев уважать и защищать конституционные институты, права человека и свободу СМИ, в том числе путем восстановления интернет-сервиса».	

	«Мы призываем наших казахстанских партнеров взять на себя права – добиваться уважительного решения этого вопроса таким образом, чтобы защитить права казахстанцев, восстановить доступ в Интернет и защитить гражданское население».	
A1.4	Утверждение о том, что в стране опасно Пример: «В июне КНБ публично подсчитал, что 90 граждан Казахстана остаются в зонах конфликтов в Афганистане, Ираке и Сирии».	
B	Выражение положительной оценки действий руководства иностранного государства	
B1	Выражение положительной оценки действий руководства иностранного государства	
B1.1	Выражение о партнерстве между США и Казахстаном Пример. «Соединенные Штаты внимательно следят за ситуацией в Казахстане, который является ценным партнером».	
B1.2	Выражение о высоком потенциале развития Республики Казахстан Пример. «В качестве члена дипломатической платформы C5+1 Казахстан участвует в ассоциированной Рабочей группе C5+1 по безопасности, которая концентрируется на региональном сотрудничестве в области противодействия противодействию вооруженным силам и ПНЭ».	
B1.3	Одобрение политики руководства страны Пример: «Соединенные Штаты высоко ценят усилия Казахстана по развитию экономической взаимосвязанности, процветания и роста, а также его многочисленные вклады в международный мир и безопасность».	
B1.4	Утверждение о том, что в стране безопасно Пример: «В 2020 г. в Казахстане не было зарегистрировано террористических актов».	
B2	Призыв к мирному урегулированию конфликта.	

	Пример: «мы надеемся, что правительство Казахстана будет ситься к протестующим таким образом, чтобы уважать их а и в то же время воздерживаться от насилия»	
С	Выражение нейтралитета в оценке происходящих событий. Новостное упоминание.	
С1	«Новостное упоминание событий» Пример. «Президент Казахстана Токаев говорит, что миссия ОДКБ начинает сворачиваться и что она помогла подавить попытку государственного переворота».	
С2	«Указание на причастность/ответственность российской стороны» Пример: «И это, конечно же, связано с тем, что российские десантники отправились на этой неделе в Казахстан, чтобы поддержать правительство».	

Приложение 2

Таблица с соотношением частотности употребления и категориям

Код	Категория/подкатегория	Индикатор
А	Выражение негативной оценки действий руководства иностранного государства	
А1	Выражение негативной оценки действий руководства иностранного государства	
А1.1	«В Казахстане нарушаются права человека»	16,8%
А1.2	««Выражение голоса за демонстрантов»	7,6%
А1.3	«В Казахстане серьезные ограничения свободы Интернета»	5,6%
А1.4	Утверждение о том, что в стране опасно	9,2%
В	Выражение положительной оценки действий руководства иностранного государства	
В1	Выражение положительной оценки действий руководства иностранного государства	

V1.1	Выражение о партнерстве между США и Казахстаном	6,5%
V1.2	Выражение о высоком потенциале развития Республики Казахстан	20,2%
V1.3	Одобрение политики руководства страны	10,9%
V1.4	Утверждение о том, что в стране безопасно	9,2%
V2	Призыв к мирному урегулированию конфликта.	2,7%
C	Выражение нейтралитета в оценке происходящих событий. Новостное упоминание.	
C1	«Новостное упоминание событий»	8,5%
C2	«Указание на причастность/ответственность российской стороны»	2,8%

Приложение 3

График распределения упоминаний ключевых слов (интервал 2.12.2021 - 7.02.2022)

